

Чезаре Павезе

ДИАЛОГИ С ЛЕВКО

Перевод с итальянского О.А. Комкова

Первая публикация перевода: Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XV: сборник научных трудов / отв. ред. Д.Н. Жаткин. — М.: Флинта, 2021. С. 778-860.

В настоящий текст внесены некоторые исправления благодаря ценным замечаниям Сергея Анатольевича Александровского, которому переводчик приносит сердечную благодарность.

ОТ АВТОРА¹

Чезаре Павезе, которого многие упорно считают закоренелым реалистом, специализирующимся на сюжетах из сельской жизни и американо-пьемонтских окраинах, открывает нам в этих "Диалогах" новую сторону своей личности. У всякого настоящего писателя есть свои лунные фазы, свои причуды, своя тайная муза, которые могут неожиданно заставить его сделаться отшельником. Павезе вспомнил о своих школьных годах и о своём чтении: ему вновь представились книги, которые он читает каждый день, единственные книги, которые он *читает*. На мгновение он перестал думать, будто его тотем и табу, эти дикие леса, духи природы, ритуальные убийства, мифический мир и культ мёртвых — пустые выдумки, и захотел отыскать в них секрет того, о чём все помнят, чем все вяло восхищаются и от чего порою с улыбкой зевают. Так родились эти "Диалоги".

¹ Этот текст, в котором Павезе иронически говорит о себе в третьем лице, был написан для первого издания «Диалогов с Левко», вышедшего в свет в 1947 году (здесь и далее — примеч. переводчика).

ТУЧА

Что Иксион за свою дерзость попал в Тартар, вполне вероятно. Но неправда, будто от его связи с тучами родились Кентавры. Этот народ уже существовал в ту пору, когда сын Иксиона вступил в брак. Лапифы и Кентавры произошли из того титанического мира, где самым различным природам было позволено смешиваться, отчего нередко появлялись на свет монстры, коих позднее будет неумолимо преследовать Олимп.

(Разговаривают Туча и Иксион.)

ТУЧА Есть закон, Иксион, и ему нужно подчиняться.

ИКСИОН Здешних высот закон не достигает, Нефела. Здешний закон — снега, вьюга, мрак. И когда наступает ясный день и ты тихо плывёшь к этим горам, здесь слишком хорошо, чтобы вспоминать о законе.

ТУЧА Есть закон, Иксион, которого не было прежде. Тучи нынче нагоняет более могучая рука.

ИКСИОН Эта рука сюда не достаёт. Ты же сама смеёшься, глядя на это чистое небо. А когда оно темнеет и завывает ветер, кому есть дело до руки, что разбрасывает нас, словно капли дождя? Так случилось и в те времена, когда не было хозяина. В горах ничего не изменилось. Всё это нам привычно.

ТУЧА В горах изменилось многое. Это знают и Пелион, и Осса, и Олимп. Это знают и самые дикие горы.

ИКСИОН Что же изменилось в горах, Нефела?

ТУЧА Не солнце и не вода, Иксион. Изменилась человеческая судьба. Появились чудовища. И вам, людям, положен предел. Вода, ветер, горы и облака больше вам не принадлежат, вы больше не можете обнимать их, рождать потомство и жить с ними. Мир ныне в других руках. Есть закон, Иксион.

ИКСИОН Какой закон?

ТУЧА Ты сам знаешь. Твоя судьба, предел...

ИКСИОН Моя судьба в моей власти, Нефела. Что изменилось? Разве могут эти новые хозяева запретить мне в шутку бросаться камнями или спуститься в долину, чтобы сломать хребет врагу? Неужто они ужаснее усталости и смерти?

ТУЧА Речь не об этом, Иксион. Всё это и многое другое ты можешь делать по-прежнему. Но не можешь больше сходитья с нами, речными и горными нимфами, дочерьми ветра, богинями земли. Изменилась судьба.

ИКСИОН Не можешь больше... Что это значит, Нефела?

ТУЧА Это значит, что, пожелав такого, ты совершишь нечто ужасное. Как если бы кто, желая обнять друга, задушил его или сам оказался задушен.

ИКСИОН Не понимаю. Ты больше не придёшь сюда, в горы? Ты меня боишься?

ТУЧА Я приду и в горы, и куда захочу. Ты ничего не можешь сделать мне, Иксион. Ты ничего не можешь сделать воде и ветру. Но ты должен склонить голову. Только так ты спасёшь свою судьбу.

ИКСИОН Ты боишься, Нефела.

ТУЧА Я боюсь. Я видела горные вершины. Но боюсь я не за себя, Иксион. Я не могу страдать. Я боюсь за вас, ибо вы всего лишь люди. Эти горы, где некогда вы были хозяевами, эти создания, которых мы с вами породили на свободе, ныне дрожат при малейшем знамении. Всех нас подчинила себе более могучая рука. Дети воды и ветра, кентавры, рождаются в глубоких оврагах. И знают, что они чудовища.

ИКСИОН Кто это сказал?

ТУЧА Не пытайся противостоять этой руке, Иксион. Это судьба. Я видела, как смельчаки, ещё более безрассудные, чем кентавры или ты сам, бросались со скалы и не умирали. Пойми, Иксион. Вы можете лишиться смерти, в которой заключено ваше мужество, как лишаются блага. Знаешь ли ты об этом?

ИКСИОН Ты говорила мне это прежде. Но что с того? Поживём ещё.

ТУЧА Ты смеёшься, но не знаешь бессмертных.

ИКСИОН Я хочу узнать их, Нефела.

ТУЧА Иксион, ты думаешь, будто они присутствуют так же, как мы, как Ночь, Земля или старый Пан. Ты молод, Иксион, но родился при старых порядках. Для тебя нет чудовищ, только друзья. Для тебя смерть — это нечто, что наступает, подобно дню и ночи. Ты один из нас, Иксион. Ты весь в том, что делаешь. Но для них, бессмертных, всё, что ты делаешь, имеет длящийся

смысл. Они всё пробуют издали, глазами, ноздрями, губами. Они бессмертны и не умеют жить одни. Всё, чего ты достигаешь или не достигаешь, всё, что говоришь и чего ищешь, — всё либо радует их, либо злит. И если ты прогневил их, если случайно потревожил их покой на Олимпе, они набрасываются на тебя и даруют смерть, ту смерть, которую знают, — долгую, неизбывную горечь.

ИКСИОН Значит, умереть всё ещё возможно.

ТУЧА Нет, Иксион. Они сделают из тебя нечто вроде тени, но такой, которая хочет снова жить и никогда не умирает.

ИКСИОН А ты их видела, этих богов?

ТУЧА Видела... О Иксион, ты не ведаешь того, о чём спрашиваешь.

ИКСИОН Я тоже видел их, Нефела. Они вовсе не ужасны.

ТУЧА Я это знала. Твоя судьба запечатлена. Кого из них ты видел?

ИКСИОН Откуда мне знать? Это был юноша, босоногий, я встретил его в лесу. Он прошёл мимо и не сказал мне ни слова. Потом, возле скалы, он исчез. Я застыл от изумления и долго искал его взглядом, чтобы спросить, кто он. Мне показалось, он из той же плоти, что и ты.

ТУЧА Ты видел его одного?

ИКСИОН Позже я снова увидел его во сне, с богинями. Мне почудилось, будто я стою рядом, разговариваю и смеюсь вместе с ними. И они рассказывали мне то же, что и ты, но без страха, без дрожи. Мы говорили о судьбе и о смерти. Говорили об Олимпе, смеялись над этими нелепыми чудовищами...

ТУЧА О Иксион, Иксион, твоя судьба запечатлена. Теперь ты знаешь, что изменилось в горах. И сам ты тоже изменился. И думаешь, что ты больше, чем человек.

ИКСИОН Говорю тебе, Нефела, ты такая же, как они. Почему же не могли они мне понравиться, хотя бы во сне?

ТУЧА Глупыш, ты не сможешь довольствоваться сном. Ты поднимешься к ним. Ты совершишь что-то ужасное. И тогда придёт та самая смерть.

ИКСИОН Скажи мне имена всех богинь.

ТУЧА Разве ты не видишь, что сна тебе уже мало? Ты веришь в свой сон, будто всё было на деле. Умоляю тебя, Иксион,

не поднимайся на вершину. Вспомни о чудовищах и о каре, которая их постигла. Ничего другого из этого не выйдет.

ИКСИОН Прошлой ночью мне приснился ещё один сон. В нём была и ты, Нефела. Мы сражались с Кентаврами. У меня был сын, рождённый от богини, не знаю от какой. И он был похож на того юношу, которого я встретил в лесу. Он был силен, Нефела, сильнее меня. Кентавры обратились в бегство, и гора стала нашей. Ты смеялась, Нефела. Видишь, даже во сне моя судьба вполне сносна.

ТУЧА Твоя судьба запечатлена. Никто не может безнаказанно взирать на богиню.

ИКСИОН Даже на госпожу дубовой рощи, владычицу вершин?

ТУЧА Одна или другая, Иксион, какая разница? Но не бойся. Я останусь с тобой до конца.

ХИМЕРА

С большой охотой отправлялись греческие юноши на Восток, чтобы прославиться и погибнуть. Здесь пускались они с доблестным безрассудством в плавание по морю баснословных жестокостей, и многие не сносили головы. Надо ли называть имена? К тому же, таких крестовых походов было гораздо больше семи. О печали, одолевшей в старости убийцу Химеры, и о его внуке Сарпедоне, который погиб молодым под Троей, рассказывает не кто иной, как Гомер в шестой песни "Илиады".

(Разговаривают Гипполох и Сарпедон.)

ГИППОЛОХ А, вот и ты, мой мальчик.

САРПЕДОН Я видел твоего отца, Гипполох. Он и слышать не желает о том, чтобы вернуться. Знай бродит по округе, невзирая на непогоду, безобразный, немый. Он стар и нищ, Гипполох.

ГИППОЛОХ А что говорят о нём местные?

САРПЕДОН В Алейской долине никто не живёт, дядя. Там одни камыши да топи. А на берегах Ксанфа, где я о нём спрашивал, его не видали уже много дней.

ГИППОЛОХ А сам он что говорит?

САРПЕДОН Он не помнит ни нас, ни дома. Когда встретит кого-нибудь, начинает рассказывать о солимах, о Главке, Сизифе, Химере. А увидев меня, сказал: "Юноша, будь я в твоём возрасте, давно бросился бы в море". Но ни одной живой душе он не угрожает. "Юноша, — сказал он мне, — ты справедлив и благочестив, расстанься с жизнью".

ГИППОЛОХ Что, и вправду вот так брюзжит и сетует?

САРПЕДОН Он говорит нечто ужасное, жуткое. Зовёт богов помериться с ним силой. И всё бредёт и бредёт, день и ночь. Но оскорбляет и оплакивает только мёртвых — или же богов.

ГИППОЛОХ Говоришь, он вспоминал Главка и Сизифа?

САРПЕДОН Он утверждает, что их наказали вероломно. К чему ждать, пока они состарятся, и поражать карой тех, кто несчастен и дряхл? "Беллерофонт, — говорит, — был справедлив и благочестив, пока в его жилах бурлила кровь. А теперь, когда он стар и одинок, — именно теперь боги оставили его?"

ГИППОЛОХ Странно удивляться такому. И винить богов в том, что выпадает всем живущим. Но у него-то что общего с этими мертвецами? Ведь он всегда жил справедливо.

САРПЕДОН Послушай, Гипполох... Я и сам, глядя в его помутневшие глаза, не мог поверить, что разговариваю с тем, кто некогда был Беллерофонтом. С твоим отцом кое-что случилось. Он не просто стар. Не просто печален и одинок. Твой отец расплачивается за Химеру.

ГИППОЛОХ Сарпедон, ты в своём уме?

САРПЕДОН Твой отец обвиняет в несправедливости богов, пожелавших, чтобы он убил Химеру. "С того самого дня, — утверждает он, — как я обогрил руки кровью этого чудовища, не было у меня настоящей жизни. Я повсюду искал врагов, укротил амазонок, истребил солимов, правил Ликией и насадил сад — но чего всё это стоит? Где ещё одна Химера? Где сила тех рук, которые убили её? Сизиф и отец мой Главк тоже были молоды и справедливы — а потом, когда оба начали стареть, боги предали их, позволив им озвереть и погибнуть. Но как может тот, кто однажды повстречался с Химерой, смиренно принять смерть?" Вот что говорит твой отец, который некогда был Беллерофонтом.

ГИППОЛОХ От Сизифа, заковавшего в цепи мальчишку Танатоса, до Главка, который живьём скармливал людей лошадям, род наш воистину перешёл все границы. Но это люди древности, они жили в чудовищные времена. Химера была последним монстром, которого они видели. Ныне мир справедлив и благочестив.

САРПЕДОН Ты так думаешь, Гипполох? Думаешь, убить её было довольно? Наш отец — я могу его так называть — должен это знать. Однако же он печален, словно бог — забытый и поседевший бог, — и бродит по полям, разговаривая со всеми этими мертвецами.

ГИППОЛОХ Но чего же ему недостаёт, чего?

САРПЕДОН Руки, которая убила Химеру. Гордости Главка и Сизифа, особенно теперь, когда, подобно своим предкам, он дошёл до предела, до конца. Их дерзость не даёт ему покоя. Он знает, что никогда больше не встретит в горах ещё одну Химеру. И потому бросает вызов богам.

ГИППОЛОХ Я его сын, Сарпедон, но всё это мне непонятно. В мире, ставшем благочестивым, теперь можно спокойно стареть. Я могу понять, когда кровь кипит в юноше, почти мальчишке, подобном тебе, Сарпедон. Но только если это юноша. Только если это дело чести. А не противостояние богам.

САРПЕДОН Но ведь он знает, каково быть юношей и каково — стариком. Он видел и другие дни. Он видел богов, как мы с тобой видим друг друга. Он рассказывает устрашающие истории.

ГИППОЛОХ И ты смог его слушать?

САРПЕДОН О Гипполох, да кто же не захотел бы его послушать? Беллерофонт видел такое, что не каждый день случается на свете.

ГИППОЛОХ Знаю, Сарпедон, знаю, но этот мир — в прошлом. Когда я был ребёнком, он и мне всё это рассказывал.

САРПЕДОН Разве что тогда он разговаривал не с мёртвыми. В ту пору это были только повести. А ныне все судьбы, которых он касается, становятся его судьбой.

ГИППОЛОХ И о чём он рассказывает?

САРПЕДОН О том, что ты давно знаешь. Но тебе неведом этот холод, этот помутневший взгляд, как будто сам он — уже ничто, а знает всё. Это рассказы о Лидии и Фригии, древние, в которых нет ни справедливости, ни благочестия. Помнишь ли историю о силене, которого один бог вызвал на состязание в Келенах, а потом разодрал на куски, как мясник разделяет козлёнка? Ныне там в пещере бежит ручей, будто бы из силеновой крови. А о матери, обращённой в камень, в плачущую скалу, потому что некой богине вздумалось пронзить стрелами её детей, одного за другим? А об Арахне, что ужаснулась ненависти Афины и превратилась в паука? Всё это случилось на свете. Всё это сотворили боги.

ГИППОЛОХ Пусть так. И что с того? Что толку вспоминать об этом? От этих судеб ничего не осталось.

САРПЕДОН Остались ручей, скала, страх. Остались сны. Беллерофонт шагу не может ступить, не наткнувшись на чей-нибудь труп, на чью-нибудь ненависть, на лужу крови, что остались от тех времён, когда всё это случилось и не было сном. Его рука в ту пору обладала властью и убивала.

ГИППОЛОХ Значит, и он был жесток.

САРПЕДОН Он был справедлив и благочестив. Он убил Химеру. И теперь, когда он состарился и устал, боги оставили его.

ГИППОЛОХ Оттого он и бродит там, в глуши?

САРПЕДОН Он потомок Главка и Сизифа. Он боится прихоти и ярости богов. Он чувствует, как звереет, и не хочет умирать. "Юноша, — сказал он мне, — вот насмешка и предательство: сначала тебя лишают сил, а потом презирают за то, что ты меньше, чем человек. Если хочешь жить, расстанься с жизнью..."

ГИППОЛОХ Почему же он не убьёт себя, коли всё это знает?

САРПЕДОН Убить себя нельзя. Смерть — это судьба. Её можно только пожелать себе, Гипполох.

СЛЕПЫЕ

Нет ни одной фиванской истории, в которой обошлось бы без слепого прорицателя Тиресия. Вскоре после этого разговора начались бедствия Эдипа — иначе говоря, у него открылись глаза, и он сам себе их вырвал от ужаса.

(Разговаривают Эдип и Тиресий.)

ЭДИП Старец Тиресий, должен ли я верить тому, что говорят в Фивах, — будто бы тебя ослепили боги из зависти?

ТИРЕСИЙ Если правда, что всё исходит от них, то должен.

ЭДИП Что ты хочешь этим сказать?

ТИРЕСИЙ Что о богах слишком много болтают. Быть слепым — такое же несчастье, как быть живым. Я всю жизнь видел, как беды приходят в своё время туда, куда должны прийти.

ЭДИП Чем же тогда заняты боги?

ТИРЕСИЙ Мир старше их. Ещё не родилось время — а он уже заполнял собой пространство, кровоточил и наслаждался, был единственным богом. Сами вещи правили в ту пору. На свете случались вещи — а нынче боги всё превращают в слова, иллюзии, угрозы. Но боги только и могут, что вмешиваться, приближать и отдалять. Они не могут коснуться вещей, изменить их. Они пришли слишком поздно.

ЭДИП И это говоришь ты, жрец?

ТИРЕСИЙ Кабы я не знал хотя бы этого, то не был бы жрецом. Вот, скажем, юноша купается в Асопе. Летнее утро. Юноша выходит из воды, радостно бежит обратно, ныряет снова и снова. У него сводит ногу, и он тонет. При чём тут боги? Должен ли он приписать богам свой конец или испытанное удовольствие? Ни то, ни другое. Нечто случилось — не хорошее и не дурное, что-то, у чего нет имени, — это боги потом дадут ему имя.

ЭДИП По-твоему, дать вещам имя, объяснить их — этого мало, Тиресий?

ТИРЕСИЙ Ты молод, Эдип, и, подобно богам, которые тоже молоды, сам всё проясняешь, называешь. Ты ещё не знаешь, что под землёю — камень и что самое голубое небо — самое

пустое. А для такого, как я, незрячего, всё, что случается, — удар, да и только.

ЭДИП Но ты всю жизнь имеешь дело с богами. Тебя давно занимают возрасты жизни, человеческие радости и горести. О тебе рассказывают много историй, словно о боге. А одна из них столь странна, столь необыкновенна, что в ней точно должен быть некий смысл — быть может, тот, что заключён в небесных тучах.

ТИРЕСИЙ Я живу на свете уже долго. Так долго, что, какую историю ни услышу, кажется, будто она обо мне. Какой же смысл, по-твоему, в небесных тучах?

ЭДИП Присутствие внутри пустоты...

ТИРЕСИЙ А что это за история, в которой, как ты думаешь, есть смысл?

ЭДИП Всегда ли ты был таким, как сейчас, Тиресий?

ТИРЕСИЙ Ах да, я понял. История про змей. Когда я семь лет пробыл женщиной. Ну и что же находишь ты в этой истории?

ЭДИП Она случилась с тобой, и ты это знаешь. Но без бога такое не случается.

ТИРЕСИЙ Ты так считаешь? На земле может случиться всё, что угодно. Необыкновенного не бывает. В то время я чувствовал отвращение ко всему, что связано с полом, — мне казалось, что эти вещи унижают мой дух, моё священство, мой нрав. Увидев, как две змеи предаются любовным утехам во мху, покусывая друг друга, я не смог сдержать раздражения и дотронулся до них палкой. Вскоре после того я сделался женщиной — и годами был принуждён подавлять свою гордость. Всё в этом мире — камень, Эдип.

ЭДИП Неужели женское естество столь низменно?

ТИРЕСИЙ Вовсе нет. На свете нет ничего низменного, кроме как для богов. Есть досада, отвращение, иллюзии, которые рассеиваются, когда упираешься в камень. А камнем тут была сама сила пола, вездесущая и всепроникающая, под всеми формами и изменениями. Когда я превратился из мужчины в женщину, а после обратно (спустя семь лет я снова увидел двух змей), то всё, чему противился мой дух, совершилось со мною либо по принуждению, либо по плотскому влечению, и я, презренный ли мужчина, униженная ли женщина, пускался во все

тяжкие в женском естестве, и творил мерзости в мужском, и познал все тайны пола: я достиг того предела, когда, будучи мужчиной, стал искать мужчин, а будучи женщиной, желал женщин.

ЭДИП Вот видишь, бог тебя кое-чему научил.

ТИРЕСИЙ Нет такого бога, что властвовал бы над полом. Я же говорю: это камень. Среди богов много зверей, но змея — самое древнее из божеств. Когда она таится, прильнув к земле, — вот тебе образ пола. В этом — жизнь и смерть. Какой бог может воплотить и постичь такое?

ЭДИП Это можешь ты. Ты сам так сказал.

ТИРЕСИЙ Тиресий стар, и он не бог. В молодости он был невеждой. Пол всегда двойствен, тёмнен. Это половина, которая кажется целым. Человеку удаётся воплотить его, жить внутри него, как хорошему пловцу в воде, а тем временем наступает старость, и вот ты упёрся в камень. Под конец остаётся только одна мысль, одна иллюзия: что вторая половина тоже насытилась. Но не верь: я знаю, что для всех это напрасный труд.

ЭДИП То, что ты говоришь, нелегко опровергнуть. Недаром твоя история начинается со змей. Но она также начинается с отвращения, с презрения к полу. А что скажешь ты взрослому мужчине, если он поклянётся, что не знает отвращения?

ТИРЕСИЙ Что он не взрослый мужчина, а ещё только мальчик.

ЭДИП Мне тоже, Тиресий, выпадали встречи по дороге в Фивы. И однажды речь зашла о человеке, о его пути от детства до смерти, и мы тоже упёрлись в камень. С того дня я стал супругом, отцом и царём Фив. И в своей жизни я не вижу ничего тёмного или напрасного.

ТИРЕСИЙ Ты не единственный, Эдип, кто в это верит. Но в камень упираются не на словах. Пусть защитят тебя боги. Я тоже говорю с тобой, и я стар. Только слепой видит мрак. Мне кажется, будто я живу вне времени, будто жил всегда, и я больше не верю дням. Во мне тоже есть нечто, что наслаждается и кровоточит.

ЭДИП Ты говорил, что это нечто есть бог. Отчего же, добрый Тиресий, ты не помолишься ему?

ТИРЕСИЙ Все мы молимся какому-нибудь богу, но у того, что случается, нет имени. Юноша, который утонул летним утром, — что знает он о богах? Какой ему прок от молитвы? В каждом дне жизни таится огромная змея, она замерла и глядит на нас. Думал ли ты когда-нибудь, Эдип, о том, почему несчастные слепнут в старости?

ЭДИП Я молю богов, чтобы со мной такого не случилось.

КОБЫЛЫ

О Гермесе, двойственном боге, обретающемся между жизнью и смертью, между полом и духом, между Титанами и богами Олимпа, здесь говорить не место. А вот в чём смысл того, что добрый врачеватель Асклепий произошёл из мира священных звериных метаморфоз, пожалуй, стоит сказать.

(Разговаривают Гермес Хтоний и кентавр Хирон.)

ГЕРМЕС Сам Бог просит, чтобы ты вырастил этого мальчика, Хирон. Ты уже знаешь о смерти прекрасной Корониды. Сам Бог вырвал ребенка из её объятой пламенем утробы своими бессмертными руками. Я был призван к этому несчастному человеческому телу, когда оно уже пылало; волосы полыхали, точно мякина. Но тень меня не дождалась. Одним прыжком соскочила с костра и исчезла в Аиде.

ХИРОН И в миг смерти она обернулась кобылицей?

ГЕРМЕС Кажется, да. Но пламя так похоже на эти ваши гривы. А убедиться я не успел. Я должен был схватить младенца и принести его сюда.

ХИРОН Ах малыш, лучше бы ты остался в огне. В тебе нет ничего от матери, кроме этого печального человеческого облика. Ты сын ослепительного, но жестокого света и должен будешь жить в мире бескровных и тоскующих теней, гноящейся плоти, стонов и содроганий — всё это послал тебе Сияющий. Тот свет, что породил тебя, будет неумолимо рыскать по земле и повсюду откроет тебе несчастье, муку, коварство сущего. За тобой будут неусыпно следить змеи.

ГЕРМЕС Воистину вчерашний мир пал, если даже змеи перешли на сторону Света. Но скажи, знаешь ли ты, почему она погибла?

ХИРОН О Энодий, никогда больше не увидать нам, как она радостно скачет из Дидим к Пелиону меж скал и зарослей тростника. Этого довольно. Слова — это кровь.

ГЕРМЕС Хирон, если я говорю, что оплакиваю её так же, как и вы, можешь мне поверить. Но клянусь тебе, я не знаю, почему Бог убил её. В моей Лариссе ходят слухи о звериных утехх в пещерах и лесах...

ХИРОН Ну и что же? Мы и есть звери. Ты сам, Энодий, некогда был в Лариссе бычьим семенем, а в начале времён совокуплялся в болотной слизи со всеми существами из плоти и крови, ещё безобразными, какие только были на свете, — неужто и тебя это удивляет?

ГЕРМЕС Это было давным-давно, Хирон, а ныне я живу под землёй или на распутьях. Иногда я вижу, как вы низвергаетесь с гор, точно обломки скалы, прыгаете через пруды и рвы, гоняетесь друг за другом, зовёте друг друга, резвитесь. Я понимаю: у вас копыта, это ваша природа, но вы бываете и другими. Взять хотя бы твои руки, твой человеческий торс, или этот ваш оглушительный человеческий смех, или её, убитую, возлюбленную Бога, или подруг, которые её оплакивают, — все вы такие разные. Даже твоя мать, если не ошибаюсь, когда-то приглянулась одному богу.

ХИРОН Времена и правда уже не те. Чтобы любить её, тот старый бог превратился в жеребца. На горной вершине.

ГЕРМЕС Тогда скажи мне, как вышло, что прекрасная Коронида была обычной женщиной, гуляла себе по виноградникам — и так заигралась с Сияющим, что он убил её и сжёг тело?

ХИРОН Энодий, видел ли ты когда-нибудь из своей Лариссы, как после ветреной ночи небеса прорезает Олимп?

ГЕРМЕС Не только видел, но, случилось, и поднимался на него.

ХИРОН Вот и мы когда-то там скакали, от одного склона к другому.

ГЕРМЕС Так отчего бы вам туда не вернуться?

ХИРОН Дружище, туда вернулась Коронида.

ГЕРМЕС Что ты хочешь этим сказать?

ХИРОН Я хочу сказать, что эта гора — смерть. Там обитают хозяева. Совсем не такие, какими были старик Крон, или его древний отец, или мы сами в те вольные дни, когда наша резвость не знала границ и мы скакали повсюду, вещице как вещи, которые нас окружали. В те времена зверь и болото были местом встречи людей и богов. И гора и лошадь и растение и туча и ручей — мы были всем, что есть под солнцем. Разве кто мог умереть в ту пору? Что значило быть зверем, если зверь был в нас как бог?

ГЕРМЕС У тебя есть дочери, Хирон, и они по своему желанию могут быть то женщинами, то кобылицами. Тебе ли сетовать? Здесь у вас и горы, и равнины, и времена года. А коли захочется, так найдёте и человеческое жилище, хижину в деревне у входа в долину, и стойло, и очаг, и несчастных смертных, которые рассказывают про вас сказки и всегда готовы оказать вам гостеприимство. Не кажется ли тебе, что при новых хозяевах мир стал лучше?

ХИРОН Ты один из них и потому их защищаешь. Ты, что некогда был семенем и бешенством, ныне провожаешь бескровные тени под землю. Что такое смертные, как не те, кто прежде времени сделались теньями? Но я утешаюсь мыслью о том, что мать этого малыша спрыгнула с костра по собственной воле: умерев, она не нашла ничего, кроме самой себя.

ГЕРМЕС Теперь я знаю, почему она умерла — та, что поднялась по склонам горы, и была женщиной, и возлюбила Бога такой любовью, что родила от него этого ребёнка. Ты говоришь, будто Бог был безжалостен. Но разве скажешь ты, что Коронида оставила позади, в том болоте, звериную похоть, безобразное бешенство крови, которая её породила?

ХИРОН Конечно нет. И что же?

ГЕРМЕС Эти новые боги Фессалии, которые так часто улыбаются, не могут осмеять только одного: поверь мне, я видел судьбу. Всякий раз когда хаос выплёскивается на свет, на их свет, они должны разить, всё разрушать, всё создавать заново. Вот почему Коронида погибла.

ХИРОН Но её они не смогут создать заново. Так что я прав: Олимп — это смерть.

ГЕРМЕС И всё же Сияющий любил её. И оплакал бы её, не будь он богом. Он вырвал из неё ребёнка. И с радостью доверяет его тебе. Он знает, что ты один способен сделать из малыша настоящего мужчину.

ХИРОН Я уже сказал тебе, какая участь ждёт его в мире смертных. Он станет Асклепием, владыкой тел, человекобогом. Он будет жить среди гниющей плоти и стонов. Люди будут обращаться к нему, чтобы убежать от судьбы, чтобы хоть на одну ночь, хоть на мгновение отсрочить агонию. Этот малыш будет ходить между жизнью и смертью, как и ты, что некогда был

бычьим семенем, а ныне — лишь проводник теней. Вот удел, который Олимпийцы уготовили всем живущим на земле.

ГЕРМЕС Но разве не лучше для смертных оканчивать свои дни вот так, чем нести это древнее проклятие: облекаться в шкуру зверя или кору дерева, становиться мычащим волком, ползучей змеей, навеки обращаться в камень или плачущий источник?

ХИРОН Конечно — до тех пор, пока Олимп остаётся небом. Но это пройдёт.

ЦВЕТОК

Что при этом сладостно-жестоким событии, неспособном отвратить нас от весеннего бога, коим является Аполлон Солнцеликий, присутствовали леопардиевы Эрос и Танатос, — ясно как день.

(Разговаривают Эрос и Танатос.)

ЭРОС Ты ждал, что это случится, Танатос?

ТАНАТОС От Олимпийца я мог ожидать всего. Но чтобы всё так закончилось — пожалуй, нет.

ЭРОС Благо, что смертные назовут это несчастьем.

ТАНАТОС Не в первый раз и не в последний.

ЭРОС А между тем Гиакинф умер. Сёстры уже оплакивают его. Никчёмные цветы, окроплённые его кровью, уже усеяли долины Еврота. Нынче весна, Танатос, а юноша её не увидит.

ТАНАТОС Там, где прошёл бессмертный, всегда вырастают эти цветы. Но раньше был хоть какой-то повод: бегство, оскорбление. Кто-то противился богу, совершал святотатство. Так случилось с Дафной, Элином, Актеоном. А Гиакинф был всего лишь мальчишкой. Он почитал своего господина. И просто играл с ним, как играет ребёнок. Он был взволнован, восхищён. Ты и сам знаешь, Эрос.

ЭРОС Смертные уже говорят, что это был несчастный случай. Никому не приходит в голову, что Сияющий не промахивается.

ТАНАТОС Я видел только хмурую улыбку, с которой он следил, как летит и падает диск. Он подбросил его высоко, к самому солнцу, а Гиакинф ждал, подняв глаза и руки, и его ослепило. Диск рухнул прямо ему на лоб. Почему, Эрос? Ты наверняка знаешь.

ЭРОС Что сказать тебе, Танатос? Меня не растрогаешь какой-то там прихотью. Да тебе и самому известно: когда бог приближается к смертному, происходит нечто жестокое. Это ведь ты только что вспоминал Дафну и Актеона.

ТАНАТОС Так что же случилось на этот раз?

ЭРОС Я же говорю, прихоть. Сияющему захотелось поиграть. Он спустился к смертным и увидел Гиакинфа. Шесть дней прожил он в Амиклах, шесть дней, которые изменили душу Гиакинфа и заново создали для него мир. Но вот господин захотел уйти, и Гиакинф сделался сам не свой. И тогда его между глаз ударил диск...

ТАНАТОС А может... может, Сияющий не хотел, чтобы Гиакинф плакал?

ЭРОС Нет. Что такое плакать, Сияющему неизвестно. Это знаем мы, божки и демонята, которые жили ещё в ту пору, когда Олимп был голой скалой. Мы видели многое, видели, как плачут деревья и камни. Господин не таков. Для него что шесть дней, что целая жизнь — разницы нет. Никто не знал этого лучше Гиакинфа.

ТАНАТОС Ты и вправду думаешь, что Гиакинф это понял? Что господин не был для него просто образцом для подражания, старшим товарищем, верным и чтимым братом? Я видел его только в тот миг, когда он вытянул руки, чтобы вступить в состязание, — его лицо выражало лишь доверие и восхищение. Гиакинф не знал, кем был Сияющий.

ЭРОС Всё возможно, Танатос. Возможно даже, что юноша не слышал об Элине и Дафне. Где кончается смятение и начинается вера, сказать трудно. Но как бы там ни было, а эти шесть дней он прожил в беспокойной страсти.

ТАНАТОС Что, по-твоему, творилось у него в сердце?

ЭРОС То же, что и у любого юноши. Но на сей раз предмет его мыслей и действий оказался непомерным для мальчика. В палестре, в доме, на берегах Еврота — повсюду сопровождал он гостя, говорил с ним, слушал его. Слушал рассказы о Делосе и Дельфах, о Тифоне, о Фессалии, о стране Гипербореев. Бог говорил со спокойной улыбкой, как многое повидавший странник, что вернулся, когда все уже числили его погибшим. Но вот о чём господин ни разу не обмолвился, так это об Олимпе, о своём бессмертном окружении, о божественном. Он рассказывал о себе и о своей сестре, о Харитах, словно это была обыкновенная жизнь — чудесная и знакомая. Иногда они вместе слушали какого-нибудь бродячего певца, которого приютили на ночь.

ТАНАТОС Во всём этом нет ничего дурного.

ЭРОС Ничего дурного. Более того, эти слова даровали силу. Гиакинф узнал, что этот господин из Делоса с неопишуемым взглядом и тихим голосом видел и испытал много такого, что однажды могло выпасть и ему. Гость поведал юноше и о его участии. Жизнь в Амиклах с её мелкими заботами была для него вся как на ладони. Он говорил о будущем. Он обращался с Гиакинфом как с равным, как со сверстником, он произносил имена Аглаи, Эвриномы, Авксо — далёких женщин, улыбающихся, молодых, которых связывала с ним загадочная близость, — произносил с таким спокойным равнодушием, с такой изящной непринуждённостью, что у Гиакинфа вздрагивало сердце. Вот что чувствовал юноша. Рядом с господином всё было простым и ясным. Гиакинфу казалось, что он всемогущ.

ТАНАТОС Я знал многих смертных. Они были опытнее, мудрее, сильнее Гиакинфа. Их всех погубила эта одержимость всемогуществом.

ЭРОС Дорогой мой, Гиакинф был одержим только надеждой, трепетной надеждой стать похожим на гостя. Но страсть, что читалась в его глазах, не привлекала Сияющего; богу было довольно того, что он вдохнул её в юношу, и теперь в этих глазах и кудрях он различал прекрасный крапчатый цветок — судьбу Гиакинфа. Ни слова, ни слёзы его не трогали. Он пришёл, чтобы увидеть цветок. Этот цветок должен был стать достойным его — чудесным и знакомым, как воспоминание о Харитах. И вот — спокойно и бесстрастно — он создал этот цветок.

ТАНАТОС И всё-таки мы, бессмертные, кровожадны. До каких пор, спрашиваю я себя, Олимпийцы будут творить судьбу? Ведь вседозволенность может погубить их самих.

ЭРОС Кто же знает? Со времён хаоса мир только и видел, что кровь. Кровь людей, чудовищ, богов. Всё рождается и умирает в крови. Как, по-твоему, ты родился?

ТАНАТОС Да, для того чтобы родиться, нужно умереть — это знают даже люди. Но Олимпийцы этого не знают. Они об этом забыли. Мир проходит, а они пребывают. Они не существуют — они есть. Любая их прихоть — роковой закон. Чтобы явить цветок, они уничтожают человека.

ЭРОС Да, Танатос. Но подумаем и о том, какое богатство нашёл Гиакинф. Его смерть, эта беспокойная надежда, была также и рождением. Неопытный, немного задумчивый юноша, ещё бродивший в тумане детства, сын Амикла, скромного правителя скромной страны, — кем бы он стал, если б не встретил Делосского гостя?

ТАНАТОС Таким же человеком, как другие, Эрос.

ЭРОС Знаю. А ещё знаю, что от судьбы не убежать. Но меня не растрогаешь какой-то там прихотью. Гиакинф шесть дней прожил в тени света. Он познал и полноту счастья, и его скорый и горький конец. Тот, который неведом Олимпийцам и бессмертным. Чего же ещё, Танатос, ты пожелал бы ему?

ТАНАТОС Чтоб Сияющий оплакал его, как мы.

ЭРОС Ты просишь слишком многого, Танатос.

БЕСТИЯ

Мы уверены, что любовная связь Артемиды и Эндимиона не была плотской. Разумеется, это вовсе не исключает того, что менее энергичный из них желал пролить кровь. Скорее, наоборот. Суровый нрав девственной богини — владычицы зверей, явившейся на свет из чащи, где обитали непостижимые божественные матери чудовищного Средиземноморья, — хорошо известен. Столь же известно и то, что страдающий от бессонницы жаждет сна и входит в историю как вечный сновидец.

(Разговаривают Эндимион и странник.)

ЭНДИМИОН Послушай, странник. Ты не здешний, так что я могу тебе обо всём рассказать. Не пугайся моих безумных глаз. Лохмотья, которыми обмотаны твои ноги, так же безобразны, как мои глаза, но ты, я вижу, человек достойный и можешь, когда захочешь, выбрать себе страну, остаться там, найти приют, работу, домашний очаг. Если же ты продолжаешь скитаться, то наверняка лишь потому, что у тебя нет ничего, кроме собственной судьбы. И вот чуть свет ты уже в пути — стало быть, тебе нравится бодрствовать в час, когда все вещи едва проступают из мрака и ещё никем не тронуты. Видишь вон ту гору? Это Латмос. Я столько раз поднимался на него ночью, в самую темень, и там, в зарослях буков, встречал зарю. А мне всё кажется, будто я никогда его не касался.

СТРАННИК Разве кто-то может сказать, что касался того, мимо чего прошёл?

ЭНДИМИОН Иногда я думаю, что мы так же неосвязаемы, как ветер. Или как сны, которые видит спящий. Скажи, странник, ты любишь спать днём?

СТРАННИК Я сплю в любой час, коли меня сморит.

ЭНДИМИОН А случается ли тебе, исходившему столько дорог, во сне слышать порывы ветра, пение птиц, плеск затонов, ропот, голос воды? Не кажется ли тебе, что, уснув, ты никогда не остаёшься один?

СТРАННИК Не знаю, друг мой. Я всегда жил один.

ЭНДИМИОН О странник, я больше не нахожу во сне покоя. Как будто сплю постоянно, хоть и знаю, что это не так.

СТРАННИК Ты выглядишь здоровым и крепким.

ЭНДИМИОН Да, странник, я такой и есть. Мне знаком и сон после вина, и тот, тяжёлый, которым засыпаешь рядом с женщиной, но от всего этого мне нет проку. Лёжа в постели, я напрягаю слух и в любой момент готов вскочить на ноги, а эти мои глаза, эти глаза словно принадлежат тому, кто вечно вглядывается во мрак. Кажется, будто я всегда так жил.

СТРАННИК Тебе кого-то недостаёт?

ЭНДИМИОН Кого-то? О странник, скажи, по-твоему, мы смертны?

СТРАННИК У тебя кто-то умер?

ЭНДИМИОН Это не кто-то, странник. Когда я поднимаюсь на Латмос, я больше не смертный. Не обращай внимания на мои глаза. Я знаю, что это не сон, ибо не сплю уже очень давно. Видишь пятна этих буков там, на вершине? Минувшей ночью я был там и ждал.

СТРАННИК Кто же должен был прийти?

ЭНДИМИОН Не нужно произносить имя. Не нужно. У этого нет имени. Или, скорее, много имён. Знаком ли тебе, брат мой человек, тот ужас, который испытываешь, когда в ночном лесу перед тобой вдруг открывается поляна? О нет! Когда ночью вспоминаешь поляну, по которой шёл днём, и там — цветок или, может, ягода, её чуть колеблет ветер, и вот, эта ягода, этот цветок — нечто дикое, недостижимое, смертное среди всей этой дикой чащи. Понимаешь меня? Цветок, похожий на дикого зверя. Друг мой, взирал ли ты когда-нибудь со страхом и вожделением на естество волчицы, или лани, или змеи?

СТРАННИК Ты имеешь в виду пол живого зверя?

ЭНДИМИОН Да, но это ещё не всё. Приходилось ли тебе встречать кого-то, кто воплощал бы собой великое множество вещей, носил их в себе, так чтобы в каждом его движении, в каждой твоей мысли о нём таилась вся бесконечность твоей земли и твоего неба, все слова, все воспоминания, и прошлое, которого ты больше не увидишь, и будущее, и вечные истины, и другая земля, другое небо, которыми тебе не дано обладать?

СТРАННИК Я слышал о таком.

ЭНДИМИОН О странник, а что если это зверь, дикая бестия, неприкасаемое естество, у которого нет имени?

СТРАННИК Ты говоришь нечто ужасное.

ЭНДИМИОН И это ещё не всё. Ты должен выслушать до конца. Если ты странствуешь по свету, то знаешь, что вся земля полна божественного и ужасного. И если я говорю с тобой, это потому, что и мы, скитальцы и чужаки, в чём-то божественны.

СТРАННИК Я и вправду многое повидал. И ужасное тоже. Но к чему далеко ходить? Скажу, коли тебе от этого станет легче, что бессмертные лазят и по дымоходу.

ЭНДИМИОН Стало быть, ты понимаешь и сможешь мне поверить. Как-то вечером на Латмосе я заснул; было уже темно, я слишком долго бродил и вот — сел и заснул, привалившись к дереву. Проснулся я при свете луны — во сне меня охватила дрожь при мысли о том, что я там, на той поляне, — и увидел её. Я увидел, как она смотрит на меня своими чуть косящими глазами, застывшими, прозрачными, огромными внутри. Тогда я ещё не знал, как не знал и на следующий день, что уже принадлежал ей, что пойман в магический круг её взгляда, её пространства, этой поляны, этой горы. Она едва заметно улыбнулась мне; я вымолвил: "Госпожа", — и она нахмурила брови, точно какая-нибудь диковатая девчонка, точно вдруг поняла, как я изумился, даже испугался, назвав её госпожой. Это моё смятение так навсегда и осталось меж нами.

О странник, она назвала меня по имени, приблизилась — туника едва достигала ей до колен — и, протянув руку, коснулась моих волос. Коснулась почти нерешительно, и на её лице вновь появилась улыбка, невероятная, смертная. Я хотел пасть пред нею ниц, вспоминая все её имена, но она удержала меня, как удерживают ребёнка, за подбородок. Ты видишь, какой я сильный и рослый, а она была словно зверёк, только и было в ней, что эти глаза, — худенькая лесная дикарка, — но я почувствовал себя ребёнком. "Никогда больше не просыпайся, — сказала она. — Оставайся здесь. Я приду к тебе снова". И ушла прочь по поляне.

В ту ночь я блуждал по Латмосу до рассвета. Я гнался за луной по всем оврагам, зарослям, обрываю. Я напрягал слух, и без того уже заполненный, словно морской водой, этим голосом, хрипловатым, холодным, материнским. Каждый шорох, каждая тень заставляли меня насторожиться. Но вокруг только лесные звери разбегались от моих шагов. Когда забрезжил рассвет, слегка синеватый и бледный, я увидел с высоты долину, эту дорогу, по

которой мы с тобой идём, странник, и понял, что никогда уже не смогу жить среди людей. Я больше не был одним из них. Я ждал ночи.

СТРАННИК Твоему рассказу трудно поверить, Эндимион. И вот почему: ты ведь после того, без сомнения, не раз возвращался на гору и, однако же, всё ещё жив, а лесная госпожа, обладательница множества имён, так и не завладела тобой.

ЭНДИМИОН Я принадлежу ей, странник.

СТРАННИК Я хочу сказать... Слышал ли ты о бесстыднике-пастухе, которого растерзали псы, о человеке-олене?

ЭНДИМИОН О странник, мне всё о ней известно. Ибо мы с нею говорим, говорим, и я притворяюсь спящим, всегда, каждую ночь, и не касаюсь её руки, как не касаются львицы, или зелёной воды в пруду, или чего-то самого близкого, что мы носим в сердце. Послушай. Вот она стоит передо мной, худенькая девушка, и без улыбки смотрит на меня. И эти огромные, прозрачные глаза видели иное. Они до сих пор это видят. Они сами — это иное. В этих глазах — дикая ягода и дикий зверь, в них вой, смерть, безжалостное превращение в камень. Я постигаю пролитую кровь, разодранную плоть, всепожирающую землю, одиночество. Для неё дикая чаща — это одиночество. Для неё звериная природа — это одиночество. Её ласка — та, с которой гладят собаку или ствол дерева. Но она смотрит на меня, о странник, смотрит, и под этой короткой туникой она — худенькая девушка, каких, верно, много в твоём краю.

СТРАННИК А говорили ли вы, Эндимион, о твоей человеческой жизни?

ЭНДИМИОН Странник, разве ты, видевший столько ужасного, не знаешь, что зверь и бог перечёркивают человека?

СТРАННИК Когда ты поднимаешься на Латмос, ты больше не смертный, это я понимаю. Но бессмертные умеют оставаться одни. А ты не желаешь одиночества. Ты вожделеешь естества бестии. Ты притворяешься спящим, когда она рядом. Чего же просил ты у неё?

ЭНДИМИОН Чтобы она ещё раз улыбнулась. И в этот раз стать кровью, пролитой к её ногам, стать плотью в пасти её пса.

СТРАННИК И что она тебе отвечала?

ЭНДИМИОН Ничего. Она просто смотрит. И покидает меня на рассвете. И я ищу её в буковых зарослях. Дневной свет ранит мне глаза. "Никогда больше не просыпайся", — сказала она.

СТРАННИК О смертный, когда ты проснёшься по-настоящему, то поймёшь, почему она пощадила тебя и не улыбнулась.

ЭНДИМИОН Я понял это уже сейчас, о странник, говорящий как бог.

СТРАННИК Божественное и ужасное носятся всюду по земле, а мы ходим по этим дорогам. Ты сам так сказал.

ЭНДИМИОН О странствующий бог, её нежность подобна заре, она открывает небо и землю. Она божественна. Но для всего другого — для неживых вещей и зверей — у неё есть краткий смех, приказ, который уничтожает. И никто никогда не касался её колен.

СТРАННИК Эндимион, смири своё смертное сердце. Её не касался ни бог, ни человек. Всё, что может дать тебе лесная госпожа, это свой хриплый, материнский голос.

ЭНДИМИОН И всё же...

СТРАННИК И всё же?

ЭНДИМИОН Пока существует эта гора, не будет мне покоя во сне.

СТРАННИК Каждому свой сон, Эндимион. Твой сон бесконечен, в нём голоса и крики, и земля, и небо, и череда дней. Смотри же его мужественно, ибо нет у вас ничего лучшего. Одиночество леса — твоё. Люби его, как любит она. А теперь, Эндимион, я оставлю тебя. Ты увидишь её сегодня ночью.

ЭНДИМИОН Благодарю тебя, о странствующий бог.

СТРАННИК Прощай. Но помни: никогда больше не просыпайся.

МОРСКАЯ ПЕНА

О Бритомартис, критской и минойской нимфе, рассказывает Каллимах. О том, что Сапфо была лесбиянкой с Лесбоса, приходится сожалеть, но гораздо печальнее кажется нам её разочарование в жизни, из-за которого она бросилась в море, в греческое море. В этом море множество островов, и на самом восточном из них, Кипре, вышла на берег рождённая из морской пены Афродита. Море, которое видело много историй любви и великих трагедий. Нужно ли напоминать имена Ариадны, Федры, Андромахи, Геллы, Сциллы, Ио, Кассандры, Медеи? Все они здесь плавали, и многие остались. Невольно подумаешь, что это море насквозь пропитано спермой и слезами.

(Разговаривают Сапфо и Бритомартис.)

САПФО Как тоскливо здесь, Бритомартис. Какое тоскливое море. Ты здесь так давно — неужели тебе не надоело?

БРИТОМАРТИС Знаю, тебе больше нравилось быть смертной. Вам мало сделаться пенной волной. И всё-таки вы ищете смерти, этой смерти. Вот скажи, зачем ты её искала?

САПФО Я не знала, что она такая. Думала, что всё закончится с последним прыжком. Что исчезнут и желание, и беспокойство, и смятение. Море проглатывает, море уничтожает — так я себе говорила.

БРИТОМАРТИС В море всё умирает и возрождается. Теперь ты это знаешь.

САПФО А ты зачем искала море, Бритомартис? Ведь ты была нимфой.

БРИТОМАРТИС Море? Я не искала его. Я жила в горах. Я убегала при свете луны, и за мной гнался какой-то неведомый смертный. Ты не знаешь наших лесов, Сапфо, что растут на высоких скалах, обрывающихся в море. Я прыгнула, чтобы спастись.

САПФО Но зачем тебе было спастись?

БРИТОМАРТИС Чтобы убежать от погони, чтобы быть собой. Я должна была это сделать, Сапфо.

САПФО Должна? Этот смертный был так тебе противен?

БРИТОМАРТИС Не знаю, я его не разглядела. Я лишь знала, что должна бежать.

САПФО Разве так бывает? Оставить жизнь, горы, луга, оставить землю и сделаться пенной волной — и всё потому, что должна? Что значит *должна*? Разве ты не чувствовала желания, разве не было оно частью тебя?

БРИТОМАРТИС Я не понимаю тебя, милая Сапфо. Желания и беспокойство привели тебя сюда, а теперь ты сожалеешь о том, что я тоже убежала.

САПФО Ты не была смертной и знала, что ни от чего убежать нельзя.

БРИТОМАРТИС Я бежала не от желаний, Сапфо. То, чего я желаю, у меня есть. Прежде я была нимфой гор, теперь я морская нимфа. Такова наша природа. Наша жизнь — это листва и ствол, журчащий родник, морская пена. Мы играем, едва касаясь вещей, и не бежим. Мы меняемся. В этом наше желание и наша судьба. Только одного мы боимся — что нами овладеет смертный. Вот тогда и вправду наступит конец. Знаешь ли ты, кто такая Калипсо?

САПФО Я слышала о ней.

БРИТОМАРТИС Калипсо позволила смертному поймать себя. И ничто уже не могло ей помочь. Годами не выходила она из своей пещеры. И тогда к ней пришли все: Левкофея, Каллианира, Кимодокея, Орифия, пришла Амфитрита; они говорили с нею, и забрали её с собой, и так спасли. Но для этого потребовались годы и надо было, чтобы тот человек удалился.

САПФО Я понимаю Калипсо. Не понимаю только, зачем она вас послушала. Что же это за желание, если оно отступает?

БРИТОМАРТИС О Сапфо, смертная волна, неужто ты никогда не научишься улыбаться?

САПФО Я умела, когда была жива. И стала искать смерти.

БРИТОМАРТИС О Сапфо, разве так улыбаются? Улыбаться — значит жить подобно волне либо листку, принимая свою участь. Это значит умирать в одном облиии и возрождаться в другом. Это значит принимать — принимать себя и судьбу.

САПФО И ты приняла её?

БРИТОМАРТИС Я убежала, Сапфо. Нам это сделать проще.

САПФО При жизни я тоже умела убегать, Бритомартис. Мой побег заключался в том, чтобы вглядываться в вещи и в

смятение и создавать из них песнь и речь. Но судьба — это нечто совсем иное.

БРИТОМАРТИС Почему же, Сапфо? Судьба — это радость; когда ты пела свою песнь, ты была счастлива.

САПФО Никогда не была я счастлива, Бритомартис. Желание — это не песнь. Желание рвёт и обжигает, как змея, как ветер.

БРИТОМАРТИС Разве не встречались тебе смертные женщины, которые нашли покой в желании и смятении?

САПФО Ни одной... А впрочем, может быть... Но не такие смертные, как Сапфо. Ты была тогда горной нимфой, а я ещё не родилась на свет. По нашему морю плыла одна женщина, смертная, которая всю жизнь прожила в смятении — и быть может, в покое. Женщина, которая убивала, разрушала, ослепляла, словно богиня, равная только самой себе. Наверно, ей даже и не надо было улыбаться. Она была красива, неглупа, и вокруг неё все друг с другом сражались и умирали. Да, Бритомартис, сражались и умирали, прося только об одном — чтобы её имя хоть на мгновение соединилось с их именами, чтобы она дала имя их жизни и смерти. И ради неё они улыбались... Ты знаешь её — это была Елена Тиндарида, дочь Леды.

БРИТОМАРТИС И она была счастлива?

САПФО Во всяком случае, она не убегала. Ей было довольно самой себя. Она не спрашивала о том, какова её судьба. Тот, кому хватило воли и силы, увёз её с собой. Десять лет провела она с одним героем, её у него отобрали, выдали замуж за другого, потом и тот её потерял; многие соперничали из-за неё в заморских краях; наконец, второй снова её отвоевал, она покойно прожила с ним остаток дней, была погребена, а в Аиде знала ещё и других мужчин. Она никому не лгала, никому не улыбалась. Наверно, она была счастлива.

БРИТОМАРТИС И ты завидуешь ей?

САПФО Я никому не завидую. Я захотела умереть. Мне недостаточно быть кем-то другим. Если я не могу быть Сапфо, пусть лучше буду ничем.

БРИТОМАРТИС Значит, ты принимаешь судьбу?

САПФО Нет, не принимаю. Я и есть судьба. Никто её не принимает.

БРИТОМАРТИС Никто, кроме нас — тех, кто умеет улыбаться.

САПФО Нашла чем похвастаться! Это часть вашей судьбы. Но что это значит?

БРИТОМАРТИС Это значит принимать себя и принимать иное.

САПФО Да, но что это такое? Разве можно принять то, что какая-то сила овладевает тобой и ты становишься желанием, судорожным желанием, бьющимся вокруг тела, мужского или женского, как пена меж утёсов? И это тело тебя отвергает и крушит, и ты снова падаешь, и хочешь обнять утёс, принять его. А иной раз ты сама — утёс, и пена — смятение — бьётся у твоих ног. Никому нет покоя. Разве можно это принять?

БРИТОМАРТИС Это нужно принять. Ты хотела убежать, Сапфо, и теперь тоже стала пеной.

САПФО Но чувствуешь ли ты эту тоску, этот непокой моря? Здесь всё кипит в непрестанной муке. Даже то, что мертво, не ведает мира.

БРИТОМАРТИС Ты должна знать, что такое море. Ведь ты родом с острова...

САПФО О Бритомартис, оно с детства ужасало меня. Эта бесконечная жизнь так однообразна и печальна. Нет слов, чтобы выразить эту тоску.

БРИТОМАРТИС Когда-то на своём острове я наблюдала, как приплывают и уплывают смертные. Это были женщины, подобные тебе, Сапфо, женщины, посвятившие себя любви. Они никогда не казались мне печальными и усталыми.

САПФО Знаю, Бритомартис, знаю. Но видела ли ты, куда привели их странствия? Была среди них та, что в чужой стране собственными руками повесилась на потолочной балке. Была и та, что проснулась однажды утром на голом утёсе, брошенная в одиночестве. И ещё много, много женщин, со всех островов, из разных стран — все они отправились в путь по морю, и кто-то попал в рабство, кого-то растерзали, кто-то убил своих детей, кто-то всю жизнь терпел лишения, а иные никогда больше не ступили на твёрдую землю, став стихией, обратившись в морское чудовище.

БРИТОМАРТИС Но Тиндарида, как ты сказала, осталась невредима.

САПФО И продолжала сеять смерть и разрушение. Никому не улыбалась. Никому не лгала. Да, она была достойна моря. А помнишь ли, Бритомартис, кто родился в этих краях?

БРИТОМАРТИС О ком ты?

САПФО Есть один остров, которого ты ещё не видела. На восходе его первым освещает солнце...

БРИТОМАРТИС О Сапфо!

САПФО Там из пены выпрыгнула та, у которой нет имени, — сама мучительная страсть, которая улыбается наедине с собой.

БРИТОМАРТИС Но она не страдает. Это великая богиня.

САПФО И всё, что терзается и бьётся в море, есть её сущность и её дыхание. Ты видела её, Бритомартис?

БРИТОМАРТИС О Сапфо, молчи. Я всего лишь маленькая нимфа.

САПФО Значит, видела...

БРИТОМАРТИС Пред её лицом все мы бежим. Не говори о ней, девочка.

МАТЬ

Жизнь Мелеагра была привязана к головне, которую его мать Алфея вытащила из очага, когда у неё родился сын. Эта мать-повелительница, после того как Мелеагр убил собственного дядю, желавшего получить свою часть шкуры вепря, в приступе гнева бросила головню обратно в огонь и сожгла дотла.

(Разговаривают Мелеагр и Гермес.)

МЕЛЕАГР Я сторел как полено, Гермес.

ГЕРМЕС Но едва ли ты сильно страдал.

МЕЛЕАГР Хуже была та мука, что терзала меня прежде.

ГЕРМЕС Послушай-ка, Мелеагр. Ты умер. Пламя, жар — всё это уже в прошлом. Ты теперь меньше, чем дым от того самого огня. Ты почти ничто. Смирись. И всё в мире для тебя тоже стало ничем: и утро, и вечер, и страны света. Погляди же вокруг.

МЕЛЕАГР Я ничего не вижу. И мне всё равно. Я снова головешка... А что ты там сказал про мир? О Гермес, для такого бога, как ты, мир, уж конечно, прекрасен, и многолик, и вечно мил. Таким его видят твои глаза, Гермес. Но я, Мелеагр, был всего лишь охотником и сыном охотников, ни разу не выбирался из своих лесов, всю жизнь провёл вблизи очага, а моя судьба, едва я родился, уже была заключена в головне, которую моя мать выхватила из огня. Всего-то и было у меня, что двое-трое товарищей, звери да моя мать.

ГЕРМЕС Ты думаешь, у человека бывает в жизни что-то ещё?

МЕЛЕАГР Не знаю. Но я слышал рассказы о вольной жизни за горами и реками, о заморских странствиях и архипелагах, о встречах с чудовищами и богами. О людях, что были ещё сильнее, чем я, о юношах, отмеченных странной судьбой.

ГЕРМЕС У каждого из них была мать, Мелеагр. И трудности, которые предстояло одолеть. И каждого ждала смерть из-за чьей-то страсти. Никто не был себе господином и не знал иного.

МЕЛЕАГР Мать... ни у кого не было такой, как моя. Никому не ведомо, каково это — знать, что вся твоя жизнь в её

руках, чувствовать, как полыхаешь, видеть её взгляд, вперившийся в огонь. Почему в тот день, когда я родился, она вытащила головню из очага и не дала ей сгореть? И я должен был расти, становиться Мелеагром, плакать, играть, ходить на охоту, видеть зимы, видеть смену времён, быть человеком — и в то же время знать другое, носить в сердце это бремя, изо дня в день смотреть в лицо своей судьбе. Вот где была мука! Рядом с нею враг — это ничто.

ГЕРМЕС Ну и чудачки же вы, смертные. Дивитесь тому, что сами знаете. Враг не страшен, это ясно. Ведь у него, как и у всех, тоже есть мать. Отчего же так невыносимо знать, что твоя жизнь в её руках?

МЕЛЕАГР У нас, у охотников, Гермес, есть уговор. Когда мы отправляемся в горы, то помогаем друг другу — каждый держит в руках жизнь другого, но никто никогда не предаст товарища.

ГЕРМЕС О глупец, только товарищей и предают... Но не в этом дело. Ваша жизнь всегда заключена в головне, это ваша мать вытащила вас из огня, и все вы так живёте — наполовину объятые пламенем. И уничтожает вас всё та же страсть матери. Что вы такое, как не её плоть и кровь?

МЕЛЕАГР Гермес, надо было видеть её глаза. Надо было видеть их с детства, знать их как родные, чувствовать, как они следят за каждым твоим шагом и движением, изо дня в день, из года в год, знать, что они стареют, что они умирают, и страдать за них, терзаться из-за них, бояться их оскорбить. О да, это невыносимо, когда они неподвижно глядят в огонь и видят там головню.

ГЕРМЕС Ты знаешь даже это и всё равно удивляешься, Мелеагр? Но если они стареют и умирают, это значит, что ты, коль скоро родился человеком и знаешь, что оскорбляешь их, ищешь эти глаза где-то ещё — живые и настоящие. И если находишь — а они всегда находятся, Мелеагр, — то всякая их обладательница становится твоей новой матерью. И тогда ты уже не знаешь, с кем имеешь дело, и почти счастлив — но будь уверен, что все они — и старая, и молодые — знают. И никто не может избежать той судьбы, которая с рождения отметила его огненной печатью.

МЕЛЕАГР Выпадала ли кому-то ещё моя судьба, Гермес?

ГЕРМЕС Всем, Мелеагр, всем. Всех ждёт смерть из-за чьей-то страсти. У каждого в плоти и крови ярится мать. И, сказать по правде, многие трусливы, гораздо трусливее тебя.

МЕЛЕАГР Я не был труслив, Гермес.

ГЕРМЕС Я говорю с тобой как с тенью, а не как со смертным. Всякий человек храбр, пока не знает.

МЕЛЕАГР Я не трушу, глядя вокруг. Теперь я знаю многое. Но не верю, что она — молодая — знала эти глаза.

ГЕРМЕС Она их не знала. Она *была* этими глазами.

МЕЛЕАГР О Аталанта, неужто и ты станешь матерью, способной глядеть в огонь?

ГЕРМЕС Попробуй-ка вспомнить, что она сказала в тот вечер, когда ты заколол вепря.

МЕЛЕАГР В тот вечер. В тот вечер был уговор. Я не забыл, Гермес. Аталанта была в ярости, оттого что я упустил зверя в снегу. Она ударила меня топором и угодила в плечо. Этот удар я едва почувствовал, но разъярился ещё сильнее, чем она, и закричал: "Возвращайся домой. Возвращайся к женщинам, Аталанта. Здесь не место капризным девчонкам". А вечером, после того как вепрь был убит, Аталанта, которая шла рядом со мной вместе с другими моими товарищами, дала мне свой топор — она сама вернулась за ним и откопала его из-под снега. В тот вечер мы заключили уговор: всякий раз как пойдём вместе на охоту, один из нас, по очереди, будет безоружен, чтобы другой ненароком не поддался гневу.

ГЕРМЕС И что сказала тебе Аталанта?

МЕЛЕАГР Я не забыл ни слова, Гермес. "О сын Алфеи, — сказала она, — шкура вепря будет постелена на нашем брачном ложе. Будем считать, что это плата за твою кровь — и за мою". И улыбнулась так, будто просила прощения.

ГЕРМЕС Ни один смертный, Мелеагр, не может представить свою мать девушкой. Но не кажется ли тебе, что та, которая говорит такое, способна глядеть в огонь? Вот и старая Алфея убила тебя из-за пролитой крови.

МЕЛЕАГР О Гермес, всё это — моя судьба. Но ведь существовали же на свете смертные, которые вкусили жизнь сполна, не будучи ни в чьих руках...

ГЕРМЕС Ты знаешь таких, Мелеагр? Тогда они были бы богами. Некоторым трусам удавалось затаиться, но и у них в жилах текла кровь матери, а потому ненависть, страсть и ярость неизбежно разгорались в их одиноких сердцах. И в один из вечеров своей жизни они тоже чувствовали, как их пожирает пламя. Не все из вас, разумеется, от этого погибли. Все вы, когда знаете, живёте жизнью мёртвых. Поверь, Мелеагр, тебе ещё повезло.

МЕЛЕАГР Но даже не увидеть своих детей... едва познать своё ложе...

ГЕРМЕС Тебе повезло. Твои дети не родятся на свет. Твоё ложе пусто. Твои товарищи по-прежнему отправляются на охоту, как и в те времена, когда тебя не было. Ты — тень и ничто.

МЕЛЕАГР Но Аталанта, Аталанта?

ГЕРМЕС Дом пустует, как и в ту пору, когда вы задерживались на охоте до наступления ночи. Аталанта, которая побудила тебя мстить, не умерла. Обе женщины живут вместе, не говоря ни слова, и глядят в очаг, куда рухнул брат твоей матери и где ты обратился в пепел. Быть может, они даже не питают взаимной ненависти. Они слишком хорошо друг друга знают. Женщины без мужчин — ничто.

МЕЛЕАГР Тогда почему они нас убивают?

ГЕРМЕС Спроси лучше, почему они вас рожают, Мелеагр.

ДВА ТОВАРИЩА

Бессмысленно переписывать Гомера. Мы лишь хотим пересказать беседу, которая состоялась накануне смерти Патрокла.

(Разговаривают Ахилл и Патрокл.)

АХИЛЛ Патрокл, отчего так повелось между людьми, что когда мы хотим подбодрить себя или друг друга, то всегда говорим: "Бывало и хуже"? Ведь следовало бы говорить: "Худшее — впереди. Придёт день, когда мы станем трупами".

ПАТРОКЛ Ахилл, я тебя не узнаю.

АХИЛЛ Зато я узнаю тебя. Глотка вина мало, чтобы сразить Патрокла. В этот вечер мне ясно, что между нами и обычными людишками по большому счёту нет разницы. Худшее наступает для всех. Это худшее приходит напоследок, в самом конце, и набивается в рот, точно ком земли. Всегда приятно напомнить себе: "Я видел это, я испытал то", — но разве справедливо, что о самом тяжком мы никогда не сможем вспомнить?

ПАТРОКЛ По крайней мере, один из нас сможет вспомнить за другого. Будем на это надеяться. Так мы обыграем судьбу.

АХИЛЛ Потому-то и пьют с наступлением ночи. Тебе никогда не приходило в голову, что ребёнок не пьёт вина оттого, что для него не существует смерти? Вот ты, Патрокл, пил в детстве?

ПАТРОКЛ Я всё делал только вместе с тобой и подражая тебе.

АХИЛЛ Я хочу сказать, когда мы были неразлучны, вместе играли и охотились, когда дни были коротки, а годы не кончались, — знал ли ты тогда, что такое смерть, твоя смерть? Ведь даже если кто в детстве лишает себя жизни, он не знает, что такое смерть. А после настанет день, когда вдруг разом это понимаешь,ходишь в смерть, и с той поры ты взрослый. Сражаешься, развлекаешься, пьёшь и не спишь ночами. Но видел ли ты когда-нибудь, чтобы мальчик напивался?

ПАТРОКЛ Я пытаюсь вспомнить, когда это случилось впервые. Не знаю. Не помню. Кажется, будто я пил всегда и знать ничего не знал о смерти.

АХИЛЛ Ты похож на мальчика, Патрокл.

ПАТРОКЛ Спроси об этом своих врагов, Ахилл.

АХИЛЛ Так и сделаю. Но смерти для тебя не существует. А ведь плох тот воин, который не боится смерти.

ПАТРОКЛ Однако же этой ночью я пью с тобой.

АХИЛЛ Но разве нет у тебя воспоминаний, Патрокл? Разве ты никогда не говоришь: "Я совершил то, я видел это", — и не задумываешься о том, что же ты на самом деле совершил, как прожил жизнь, какой след оставил на земле и на море? Есть ли смысл проживать дни, если их нельзя вспомнить?

ПАТРОКЛ В детстве, Ахилл, мы с тобой ни о чём не вспоминали. Нам хватало того, что мы всё время были вместе.

АХИЛЛ Интересно, помнит ли ещё хоть кто-то в Фессалии о тех временах. И когда наши товарищи возвратятся с этой войны, кто пройдёт по тем улицам, кто будет знать, что однажды там бродили и мы — такие же мальчишки, как и те, что подрастают сегодня? Но знают ли нынешние мальчишки о том, что их ждёт?

ПАТРОКЛ В детстве об этом никто не думает.

АХИЛЛ Скольким дням ещё только предстоит родиться на свет, а мы их не увидим.

ПАТРОКЛ Мы уже видели много дней, разве нет?

АХИЛЛ Нет, Патрокл, не много. Придёт день, когда мы станем трупами. Когда нам в рот набьётся ком земли. И мы не будем знать даже того, что видели.

ПАТРОКЛ Ни к чему думать об этом.

АХИЛЛ Невозможно не думать. В детстве ты как будто бессмертен, глядишь вокруг, смеёшься. Ты не знаешь, чего всё это стоит. Не знаешь ни трудностей, ни сожалений. Играючи сражаешься и в шутку падаешь замертво. А после смеёшься и продолжаешь играть.

ПАТРОКЛ У нас нет других игр. Постель и трофеи. Враги. И вот эта ночная чаша вина. Ахилл, скоро ли мы вернёмся на поле битвы?

АХИЛЛ Вернёмся, будь уверен. Судьба ждёт нас. Когда увидишь, как горят корабли, — значит, час настал.

ПАТРОКЛ Так долго?

АХИЛЛ А что, это тебя пугает? Разве не бывало и хуже?

ПАТРОКЛ Меня снедает нетерпение. Мы здесь, чтобы покончить с ним. Может быть, завтра.

АХИЛЛ Не торопись, Патрокл. Пусть боги скажут "завтра". Только для них будет то, что было.

ПАТРОКЛ Но бывало ли хуже — это зависит от нас. До самого конца. Пей, Ахилл. За копье и за щит. Что было, то будет снова. Мы снова испытаем судьбу.

АХИЛЛ Я пью за смертных и бессмертных, Патрокл. За моих отца и мать. За то, что было, что хранит память. И за нас с тобой.

ПАТРОКЛ Ты помнишь столь многое?

АХИЛЛ Не больше, чем какая-нибудь рабыня или нищий. Они тоже были детьми.

ПАТРОКЛ Ты богат, Ахилл, и для тебя богатство — это лохмотья, которые годятся только на выброс. Ты один можешь сказать, что подобен нищему. Ты, взявший приступом скалы Тенедоса, разорвавший пояс амазонки и боровшийся в горах с медведями. Какое ещё дитя мать закалила в огне, как тебя? Ты меч и копье, Ахилл.

АХИЛЛ Кроме огня, ты был со мною всюду.

ПАТРОКЛ Как тень сопровождает тучу. Как Тесей с Пирифоем. Быть может, однажды и ты, Ахилл, спустишься в Аид, чтобы освободить меня. Увидим и это.

АХИЛЛ Куда лучше жилось в ту пору, когда не было никакого Аида. Мы бродили по лесам и речным берегам и, смыв пот, оставались детьми. В каждом движении, в каждом взмахе была игра. Мы были воспоминанием, и никто этого не знал. Были ли мы храбры? Не знаю. Это не важно. Знаю только, что на горé кентавра было лето, была зима, была вся жизнь. Мы были бессмертны.

ПАТРОКЛ Но потом пришло худшее. Пришли опасность и смерть. И мы стали воинами.

АХИЛЛ От судьбы не убежишь. И я не видел собственного сына. Даже Деидамия умерла. О, почему я не остался на острове среди женщин?

ПАТРОКЛ Тогда твои воспоминания были бы скудны, Ахилл. Ты остался бы мальчиком. Лучше страдать, чем не жить вовсе.

АХИЛЛ Но кто тебе сказал, что это жизнь?.. О Патрокл, это жизнь. Мы должны были увидеть худшее.

ПАТРОКЛ Завтра я иду на поле битвы. С тобой.

АХИЛЛ Мой день ещё не пришёл.

ПАТРОКЛ Тогда я пойду один. И чтобы тебе было стыдно, возьму твоё копье.

АХИЛЛ Я ещё не родился, когда срубили ясень для древка. Увидеть бы ту просеку.

ПАТРОКЛ Выйди на бой и увидишь, что она достойна тебя. Сколько врагов, столько и пней.

АХИЛЛ Корабли ещё не горят.

ПАТРОКЛ Я возьму твои поножи и твой щит. У меня в руке будешь ты сам. Никто не сможет сразить меня. Я буду драться играючи.

АХИЛЛ Ты и правда похож на мальчишку, который напился.

ПАТРОКЛ Когда ты бегал с кентавром, Ахилл, то не думал о воспоминаниях. И был не более бессмертен, чем сейчас.

АХИЛЛ Только боги знают судьбу и живут. А ты играешь в судьбу.

ПАТРОКЛ Выпей со мною ещё, Ахилл. А завтра — быть может, в Аиде — скажем и об этом.

ДОРОГА

Всем известно, что Эдип, победив сфингу и женившись на Иокасте, узнал, кто он, от пастуха, который спас его на склоне Киферона. Так сбылось пророчество о том, что он убьёт отца и женится на матери, и Эдип в ужасе ослепил себя, и покинул Фивы, и умер в скитаниях.

(Разговаривают Эдип и нищий.)

ЭДИП Я не такой, как все, друг мой. Я был приговорён роком. Я родился, чтобы править вами. Я вырос в горах. Трепет охватывал меня всякий раз при виде горы или башни — или когда, бредя по пыльной дороге, я различал в отдалении город. Тогда я не знал, что ищу свой удел. Ныне я больше ничего не вижу, а горы меня только утомляют. Что бы я ни делал, всё — судьба. Понимаешь?

НИЩИЙ Я стар, Эдип, и повидал немало судеб. Но неужто ты думаешь, будто другие — и рабы, и горбуны, и калеки — не хотели бы царствовать в Фивах, как ты?

ЭДИП Пойми же, друг. Моя судьба не в том, что я что-то потерял. Меня не страшат ни годы, ни болезни. Я бы даже хотел пасть ещё ниже, потерять всё — ибо таков общий удел. Лишь бы не быть Эдипом, не быть тем человеком, который, сам того не зная, должен был царствовать.

НИЩИЙ Не понимаю. Скажи спасибо, что ты был господином, вдоволь ел и пил, спал в своей постели. Мёртвым приходится хуже.

ЭДИП Дело совсем не в этом. Я страдаю с самого начала, с той поры, когда ещё ничего собою не представлял и мог бы стать таким же, как все. Да вот поди ж ты, судьба. Я должен был отправиться в путь и непременно оказаться в Фивах. Я должен был убить этого старика. Родить этих детей. Есть ли смысл делать то, что было, почитай, уже сделано, когда тебя ещё не было?

НИЩИЙ Есть, Эдип. Такова наша доля: что выпало, то выпало. Прочее оставь богам.

ЭДИП Нет в моей жизни богов. Моя доля более жестока, чем сами боги. Такой же невежественный, как все, я стремился делать добро, находить в каждом дне какое-то непознанное благо,

которое под вечер принесло бы мне облегчение и надежду на то, что завтра удастся сделать больше. Даже нечестивцам не отказано в этой радости. Меня преследовали подозрения, неясные голоса, угрозы. Вначале был только оракул, дурное пророчество, и я надеялся убежать. Много лет я жил как беглец, что вечно оглядывается. Я осмеливался доверять только собственным мыслям, только мгновениям покоя, внезапным пробуждениям. Я постоянно сидел в засаде. И не убежал. Как раз в те самые мгновения и свершалась моя судьба.

НИЩИЙ Но ведь так бывает со всеми, Эдип. Это и называют судьбой. Хотя, конечно, твоя участь была ужасна.

ЭДИП Нет, ты не понимаешь, не понимаешь, дело не в этом. Я хотел бы, чтобы она была ещё ужаснее. Я хотел бы быть ещё бóльшим злодеем и подлецом, который желал бы того, что совершил. Но не тем, кто над собой не властен. Не тем, кто живёт вопреки своей воле. Что вообще такое Эдип, что такое все мы, если даже самое тайное желание твоей крови существовало ещё до твоего рождения и всё уже было предречено?

НИЩИЙ Ежели рассудить, Эдип, то были и у тебя счастливые дни. Я не о тех днях, когда ты победил Сфингу и все Фивы тебя славили, или когда у тебя родился первенец, или когда ты восседал во дворце, собрав совет. Пускай обо всём этом ты больше не можешь вспоминать. Но ведь ты жил, как все люди; ты был молод и повидал свет, ты смеялся, играл, говорил, бывал мудр; ты знал удовольствия, наслаждался пробуждением и сном, ходил по дорогам. Пускай теперь ты слеп. Но ты видел иные дни.

ЭДИП Отрицать это было бы безумием. Я и вправду прожил долгую жизнь. Но повторяю: я был рождён, чтобы править вами. У того, кто охвачен лихорадкой, даже самые сладкие плоды вызывают лишь тошноту и дрожь. А моя лихорадка — это моя судьба: страх, вечный ужас вершить известное заранее. Я знал, всегда знал, что похож на белку, которая думает, будто карабкается вверх, а на самом деле только вращает колесо. И я спрашиваю себя: кем был Эдип?

НИЩИЙ Великим, истинным владыкой, вот кем. Я слышал, что говорили о тебе на улицах Фив и у городских ворот. Был один человек, который так возжелал твоего удела, что оставил родной дом, и обошёл всю Беотию, и видел море, и отправился в

Дельфы, дабы спросить оракула. Подумай, как необычайна была твоя судьба, если она изменила жизнь других. А что говорить тому, кто целый свой век проводит в деревне, за работой, кто каждый день занят одним и тем же, кто растит обычных детей, справляет обычные праздники и умирает в том же возрасте, что и его отец, от обычной болезни?

ЭДИП Я не такой, как все, знаю. Но знаю я и то, что даже последний раб или идиот, если б открылось ему будущее, проклял бы все убогие радости, которые ему достались. Разве те несчастные, что искали моей судьбы, убежали от своей?

НИЩИЙ Жизнь велика, Эдип. Я, говорящий с тобой, тоже один из них. Я оставил свой дом и исходил всю Грецию. Я видел Дельфы и добрался до моря. Я жаждал встречи, удачи, Сфинги. Я знал, как счастливо ты царствуешь в Фивах. Был я тогда крепок, вынослив. И хоть не встретил Сфингу и ни один оракул ничего мне не возвестил, я доволен прожитой жизнью. Ты стал моим оракулом. Ты перевернул мою судьбу. Бродяжничать или царствовать, не всё ли равно? Мы оба жили. Прочее оставь богам.

ЭДИП Никогда не узнаешь, желал ли ты того, что сделал... Одно лишь несомненно: пребывание в пути — свойство людской природы, и только людской. Петляющая в одиночестве дорога — словно образ боли, которая нас точит. Боли, что безмолвна и тиха, словно утешение, словно дождь после душливого зноя, и кажется, будто она изливается из самих вещей, из самой глубины сердца. Эта усталость и этот покой после грохота судьбы — пожалуй, единственное, что по-настоящему нам принадлежит.

НИЩИЙ Когда-то нас не было, Эдип. Значит, и волнения сердца, и кровь, и пробуждения — всё произошло из ничего. Я бы даже сказал, что и твоё желание убежать от судьбы есть сама судьба. Не мы создали нашу кровь. Этого знания довольно, чтобы жить свободно, как гласит оракул.

ЭДИП Пока ты ещё в дороге, друг мой, это так. Тебе повезло: ты не дошёл до конца. Но наступает день, когда ты возвращаешься на Киферон и больше ничего не помнишь, гора снова становится для тебя детством, ты видишь её каждый день и, быть может, однажды взбираешься на неё. А после кто-то говорит тебе, что ты родился там, наверху. И всё рушится.

НИЩИЙ Понимаю, Эдип. Но у каждого из нас есть своя гора детства. И как бы далеко ты ни забрёл, всё равно вернёшься на свою тропу. Там мы были созданы такими, какие есть.

ЭДИП Одно дело — говорить, другое — страдать, друг мой. И всё же, когда говоришь, что-то утихает на сердце. Говорить — будто странствовать день и ночь по дорогам, подобно нам, без всякой цели, не так, как странствуют молодые в поисках удачи. Вот ты — ты много говорил и многое видел. Ты и вправду хотел царствовать?

НИЩИЙ Как знать? Во всяком случае, я хотел измениться. Ищешь одно — находишь другое. И это тоже судьба. Но разговор помогает нам снова обрести себя.

ЭДИП А есть ли у тебя семья, близкие? Не думаю.

НИЩИЙ Тогда я не был бы тем, кто есмь.

ЭДИП Как странно: чтобы понять ближнего, нам приходится от него бежать. И самые истинные слова мы говорим по случаю, беседуя с незнакомцами. О да, именно так я и должен был жить, я, Эдип, бродя по дорогам Истма и Фокиды, когда были у меня глаза. И не взбираться на горы, не слушать пророчеств...

НИЩИЙ Ты забываешь по меньшей мере один свой разговор.

ЭДИП Какой, друг мой?

НИЩИЙ Тот, что вёл со Сфингой у распутья.

СКАЛА

В эпоху мировой истории, называемую титанической, землю населяли люди, чудовища и боги, ещё не утвердившиеся на Олимпе. Некоторые даже полагают, что были одни только чудовища — вернее сказать, умы, заключённые в уродливые и звериные тела. Отсюда подозрение, что многие из тех, кто убивал чудовищ, — в первую очередь Геракл, — проливали братскую кровь.

(Разговаривают Геракл и Прометей.)

ГЕРАКЛ Прометей, я пришёл освободить тебя.

ПРОМЕТЕЙ Знаю, я тебя ждал. Должен поблагодарить тебя, Геракл. Ты проделал ужасный путь, чтобы прийти сюда. Но ты не знаешь, что такое страх.

ГЕРАКЛ Твоё положение куда ужаснее, Прометей.

ПРОМЕТЕЙ А вправду ли неведом тебе страх? Не думаю.

ГЕРАКЛ Если страх заставляет не делать того, что должен, то я и впрямь никогда не испытывал страха. Но я человек, Прометей, и не всегда знаю, что должен делать.

ПРОМЕТЕЙ Благочестие и страх — это и есть человек. Другого не дано.

ГЕРАКЛ Прометей, ты занимаешь меня беседой, а между тем каждое мгновение продлевает твою муку. Я пришёл освободить тебя.

ПРОМЕТЕЙ Знаю, Геракл. Я знал это ещё в ту пору, когда ты был младенцем в пелёнках, когда ты ещё не родился. Но со мною происходит то же, что и со всяким, кто много страдал — в темнице ли, в изгнании ли, подвергаясь ли опасности — и, когда приходит освобождение, не может решиться пройти через этот миг, оставить за спиной пережитые муки.

ГЕРАКЛ Ты не хочешь покидать свою скалу?

ПРОМЕТЕЙ Я должен покинуть её, Геракл, — потому и говорю, что ждал тебя. Но как и всякого человека, меня тяготит этот миг. Ты знаешь, что здешняя мука невыносима.

ГЕРАКЛ Достаточно взглянуть на тебя, Прометей.

ПРОМЕТЕЙ Мука такова, что хочется умереть. Однажды и ты познаешь это и поднимешься на скалу. Но умереть, Геракл, я не могу. И ты тоже в конце концов не умрёшь.

ГЕРАКЛ Как это?

ПРОМЕТЕЙ Тебя похитит бог. Вернее, богиня.

ГЕРАКЛ Не знаю, Прометей. Давай-ка я развяжу тебя.

ПРОМЕТЕЙ И ты будешь как ребёнок, полный горячей благодарности, и забудешь обиды и испытания, и станешь жить на свете, прославляя богов, их мудрость и доброту.

ГЕРАКЛ Разве не от них всё исходит?

ПРОМЕТЕЙ О Геракл, есть более древняя мудрость. Мир стар, старше этой вот скалы. И они тоже это знают. У всего есть судьба. Но боги молоды, почти так же молоды, как и ты.

ГЕРАКЛ Но разве сам ты не один из них?

ПРОМЕТЕЙ Я ещё стану одним из них. Так хочет судьба. Но когда-то я был титаном и жил в мире без богов. Бывало и такое... Можешь ли ты представить себе подобный мир?

ГЕРАКЛ Это мир чудовищ и хаоса?

ПРОМЕТЕЙ Мир титанов и людей, Геракл. Мир зверей и лесов. Моря и неба. Это мир борьбы и крови, сделавший тебя тем, что ты есть. Даже самый последний, самый жестокий бог был в ту пору титаном. В мире нынешнем или будущем нет ничего, что не произошло бы от титанов.

ГЕРАКЛ Это был мир скал.

ПРОМЕТЕЙ У каждого из вас, людей — своя скала. За это я вас и полюбил. Но боги — это те, кто не знают скалы. Они не умеют ни смеяться, ни плакать. Они улыбаются пред лицом судьбы.

ГЕРАКЛ Это они приковали тебя.

ПРОМЕТЕЙ О Геракл, победителем всегда выходит бог. Покуда человек-титан сражается и терпит, он может смеяться и плакать. И если тебя заковывают в цепи, если ты поднимаешься на скалу — это победа, дарованная тебе судьбой. Мы должны быть ей за это благодарны. Что такое победа, как не обратившееся в поступок благочестие, которое спасает других, жертвуя собой? Всякий трудится ради других, всякий подчиняется закону судьбы. Даже я, Геракл, если уйду сегодня отсюда свободным, буду этим кому-то обязан.

ГЕРАКЛ Со мною бывало и хуже; к тому же, я ещё не освободил тебя.

ПРОМЕТЕЙ Геракл, я говорю не о тебе. Ты благочестив и отважен. Но свою роль ты уже исполнил.

ГЕРАКЛ Я ничего не исполнил, Прометей.

ПРОМЕТЕЙ Ты не был бы смертным, если б знал судьбу. Но ты живёшь в мире богов. А боги лишили вас даже этого. Ты не знаешь ничего — и уже всё совершил. Вспомни кентавра.

ГЕРАКЛ Человека-зверя, которого я убил нынче утром?

ПРОМЕТЕЙ Чудовищ не убивают. Этого не могут даже боги. Придёт день, когда ты будешь думать, что убил ещё одного зверя, ещё более чудовищного, — а на самом деле всего лишь приготовишь себе свою скалу. Знаешь, кого ты поразил сегодня утром?

ГЕРАКЛ Кентавра.

ПРОМЕТЕЙ Ты поразил благочестивого Хирона, доброго друга титанов и смертных.

ГЕРАКЛ О Прометей...

ПРОМЕТЕЙ Не раскаивайся, Геракл. Все мы разделяем одну участь. Таков закон мироздания: никто не станет свободным, пока за него не пролилась кровь. Тебя ждёт то же, на вершине Эты. И Хирон знал.

ГЕРАКЛ Ты хочешь сказать, что он принёс себя в жертву?

ПРОМЕТЕЙ Разумеется. Точно так же и я некогда знал, что похищение огня станет моей скалой.

ГЕРАКЛ Прометей, позволь мне освободить тебя. А после расскажешь мне всё, о Хироне и об Эте.

ПРОМЕТЕЙ Я уже свободен, Геракл. Мне было суждено получить свободу, когда моё место займёт другой. И Хирон дал тебе пронзить себя, потому что ты был послан судьбой. Но в этом мире, родившемся из хаоса, правит закон справедливости. Благочестие, страх и мужество — только орудия. Всё, что делается, непременно возвращается. Кровь, которую ты пролил и ещё прольёшь, приведёт тебя на гору Эту, где ты умрёшь собственной смертью. Это будет кровь чудовищ, истреблению которых ты ныне посвящаешь жизнь. И ты взойдёшь на костёр, в котором будет гореть похищенный мною огонь.

ГЕРАКЛ Но ты сказал, что я не могу умереть.

ПРОМЕТЕЙ Смерть вошла в этот мир вместе с богами. Вы, смертные, боитесь смерти, ибо для вас они потому и боги, что

бессмертны. Но у каждого — своя смерть, которой он заслуживает. Их тоже ждёт конец.

ГЕРАКЛ Как это?

ПРОМЕТЕЙ Всего сказать нельзя. Но запомни хорошенько, что чудовища не умирают. Умирает страх, который они вселяют в тебя. Так же и с богами. Когда смертные перестанут испытывать страх, боги исчезнут.

ГЕРАКЛ И вернутся титаны?

ПРОМЕТЕЙ Скалы и леса не возвращаются. Они есть. Что было, то будет.

ГЕРАКЛ Но вас же заковали в цепи. Даже тебя.

ПРОМЕТЕЙ Мы — только имя. Пойми, Геракл. У мира тоже есть смена времён, как и у полей, как и у земли. Возвращается зима, возвращается лето. Разве кто может сказать, что лес гибнет? или что он остаётся прежним? Вы станете титанами, уже скоро.

ГЕРАКЛ Мы, смертные?

ПРОМЕТЕЙ Вы, смертные — или бессмертные, это не важно.

БЕЗУТЕШНЫЙ

Секс, опьянение и кровь всегда были знаками подземного мира и многим обещали хтонические блаженства. Но фракиец Орфей, певец, спускавшийся в Аид и растерзанный, подобно самому Дионису, возвестил нечто большее.

(Разговаривают Орфей и Вакханка.)

ОРФЕЙ Вот как это было. Мы поднимались по тропе, что вела через лес теней. Далеко позади остались и Коцит, и Стикс, и лодка, и стоны. На листьях уже можно было различить отсвет неба. За спиной я слышал шорох её шагов. Но я был всё ещё под землёй, всё ещё скован этим холодом. Я думал о том, что однажды должен буду вернуться и всё, что было, будет вновь. Я думал о том, как мы жили с ней прежде; о том, что эта жизнь однажды снова закончится. Что было, то будет. Я думал о той ледяной пустоте, через которую прошёл и которая была у неё внутри, в её костном мозге, в её крови. Неужели стоило жить снова? Подумав об этом, я увидел проблеск дня. И тогда я сказал: "Пусть всё будет кончено", — и обернулся. Эвридика исчезла, как задутая свеча. Я услышал только слабый писк, точно мышь скрылась в норе.

ВАКХАНКА Как странно ты рассказываешь, Орфей. Верится с трудом. Здесь говорили, что ты обласкан богами и музами. Многие из нас следуют за тобой, потому что знают, как ты любил и страдал. Ты любил так сильно, что прошёл — единственный среди людей — вратами небытия. Нет, я не верю тебе, Орфей. Не твоя вина в том, что судьба тебя предала.

ОРФЕЙ При чём тут судьба? Моя судьба не предаёт. Было бы смешно, совершив такой путь и взглянув в лицо небытию, обернуться по ошибке или из-за прихоти.

ВАКХАНКА Здесь говорят, что это случилось из-за любви.

ОРФЕЙ Мёртвых нельзя любить.

ВАКХАНКА Но ты же оплакивал её, бродя по горам и холмам, ты искал и звал её, ты спустился в Аид. Как это назвать?

ОРФЕЙ Ты говоришь, будто подобна мужчине. Так знай же, что мужчина не умеет понять смерти. Та Эвридика, которую я

оплакивал, была порой жизни. Там, внизу, я искал не свою любовь, а совсем иное. Я искал прошлое, которого Эвридика не знает. Я понял это, когда пел свою песнь среди мёртвых. Я видел, как тени застывают и смотрят пустым взором, слышал, как смолкают стоны; Персефона закрыла лицо, и сам бесстрастный и мрачный Гадес подался вперёд и прислушался, подобно смертному. Тогда я понял, что мёртвые — больше ничто.

ВАКХАНКА Скорбь смутила твой разум, Орфей. Кто не хотел бы вернуть прошлое? Эвридика уже почти родилась заново.

ОРФЕЙ Чтобы потом заново умереть, Вакханка. Чтобы хранить в своей крови ужас Аида и дрожать день и ночь рядом со мной. Ты не знаешь, что такое ничто.

ВАКХАНКА И ты, своим пением воскресив прошлое, отверг и разрушил его. Нет, я тебе не верю.

ОРФЕЙ Пойми же, Вакханка. Это прошлое существовало только в песни. Аид мог себя видеть, только пока слушал меня. Едва я пустился в обратный путь, это прошлое уже таяло, превращалось в воспоминание, у него был вкус смерти. Когда меня коснулся первый отсвет неба, я подпрыгнул от радости, как мальчишка, не веря своему счастью, — от радости за себя, за мир живых. Пора, которую я искал, была там, в этом отсвете. Мне не было никакого дела до той, что шла за мною следом. Этот проблеск, эта песнь, это утро были моим прошлым. И я обернулся.

ВАКХАНКА Как же мог ты смириться, Орфей? Ты напугал тех, кто видел тебя по возвращении. Ведь Эвридика была твоей жизнью.

ОРФЕЙ Глупости! Умерев, Эвридика стала чем-то совсем иным. И тот Орфей, который спустился в Аид, уже не был ни супругом, ни вдовцом. Моя тогдашняя скорбь была похожа на детский плач, о котором вспоминаешь с улыбкой. Пора прошла. Плача, я искал уже не её, а самого себя. Судьбу, если угодно. Я слушал себя.

ВАКХАНКА Многие из нас следуют за тобой, потому что поверили твоему плачу. Выходит, ты обманул нас?

ОРФЕЙ О Вакханка, Вакханка, как же ты не понимаешь? Моя судьба не предаёт. Я искал себя. Только это и можно искать.

ВАКХАНКА Здесь у нас всё проще, Орфей. Мы верим в любовь и в смерть, плачем и смеёмся вместе со всеми. Наши самые весёлые праздники — те, на которых проливается кровь. Нас, фракийских женщин, такое не пугает.

ОРФЕЙ Всё это прекрасно, если смотреть со стороны жизни. Но поверь тому, кто побывал среди мёртвых... Оно того не стоит.

ВАКХАНКА Прежде ты не был таким. Не говорил о небытии. Причащаясь смерти, мы становимся подобны богам. Ты сам учил, что опьянение смешивает жизнь со смертью и делает нас сверхчеловеческими существами... Ты видел наш праздник.

ОРФЕЙ Важна вовсе не кровь, о дева. Ни опьянение, ни кровь меня не убеждают. Но что такое человек, понять невероятно трудно. И ты, Вакханка, тоже этого не знаешь.

ВАКХАНКА Без нас ты был бы ничем, Орфей.

ОРФЕЙ Я знаю и сам это говорил. Но что с того? В Аид я спустился без вас...

ВАКХАНКА Ты спустился туда в поисках нас.

ОРФЕЙ Но вас не нашёл. Я желал совсем иного. Того, что обрёл, повернувшись к свету.

ВАКХАНКА Прежде ты воспевал Эвридику, бродя по горам...

ОРФЕЙ Время проходит, Вакханка. Горы всё те же, а Эвридики больше нет. У всего этого есть имя, и это имя — человек. Призывать на празднествах богов бесполезно.

ВАКХАНКА Но ты и сам их призывал.

ОРФЕЙ За свою жизнь человек чего только не делает. Во что только не верит. Даже в то, что его кровь может течь в жилах другого. Или в то, что бывшее можно сделать небывшим. Верит, что экстазом можно сокрушить судьбу. Всё это я знаю, всё это — ничто.

ВАКХАНКА Ты говоришь, что не умеешь понять смерти, Орфей, а все твои мысли только о ней. Было время, когда празднества делали нас бессмертными.

ОРФЕЙ Так наслаждайтесь празднествами. Всё дозволено тому, кто ещё не знает. Надо, чтобы каждый сошёл однажды в свой ад. Обряд моей судьбы завершился в Аиде, завершился тем, что я на свой лад воспел жизнь и смерть.

ВАКХАНКА А что значит: судьба не предаёт?

ОРФЕЙ Это значит, что она внутри тебя, в самой твоей сути; глубже, чем кровь, по ту сторону всякого опьянения. Ни один бог не может её коснуться.

ВАКХАНКА Может и так, Орфей. Но мы-то не ищем Эвридику. Как же тогда нам спуститься в ад?

ОРФЕЙ Всякий раз, призывая бога, мы познаём смерть. И всякий раз спускаемся в Аид, силой пытаюсь вырвать нечто у судьбы. Мы не побеждаем тьму и теряем свет. Мы бьёмся в судорогах, словно одержимые.

ВАКХАНКА Как жутко от твоих слов... Значит, и ты потерял свет?

ОРФЕЙ Я почти потерялся — и пел. Постигая это, я нашёл себя.

ВАКХАНКА Не слишком ли тяжкий это способ найти себя? Есть путь и попроще — через неведение и веселье. Бог подобен господину, что обретается между жизнью и смертью. Мы отдаёмся ему в экстазе, нас раздирают на куски или мы раздираем других. И всякий раз мы рождаемся заново и пробуждаемся, как ты, на рассвете.

ОРФЕЙ Не говори о рассвете и о пробуждении. Мало кто из людей знает. Женщины, подобные тебе, не знают, что это такое.

ВАКХАНКА Может, потому они и следуют за тобой, фракийские женщины. Ты для них как бог. Ты спустился с гор. Ты поёшь о жизни и смерти.

ОРФЕЙ Глупая! Впрочем, с тобой хотя бы можно говорить. Быть может, однажды ты и станешь как мужчина.

ВАКХАНКА Если только прежде фракийские женщины...

ОРФЕЙ Что?

ВАКХАНКА Если только они не растерзают бога.

ЧЕЛОВЕК-ВОЛК

Ликаон, царь Аркадии, за свою бесчеловечность был превращён Зевсом в волка. Но миф не говорит, где и как он умер.

(Разговаривают два охотника.)

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК Убить зверя нам не впервой.

ВТОРОЙ ОХОТНИК Но мы впервые убили человека.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК Не наша забота. Это собаки выгнали его из логова. Что нам за дело до того, кем он был? Когда мы увидели, как он барахтается в грязи, припёртый к скале, его окровавленную белую шерсть и клыки, что багровели пуще глаз, разве кому пришло в голову помянуть его имя и все эти старинные рассказы? Он умер, вцепившись зубами в дротик, будто в собачью глотку. У него было сердце зверя, не только шкура. Давно уже в этих лесах не видали такого свирепого и огромного волка.

ВТОРОЙ ОХОТНИК А у меня его имя не выходит из головы. О нём ходили слухи, когда я был ещё мальчишкой. Рассказывали, что, будучи человеком, он вытворял невероятное — хотел перерезать горло самому Владыке гор. Неудивительно, что у него шкура цвета истоптанного снега, — он ведь был стар, этот призрак с налитыми кровью глазами.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК Что сделано, то сделано. Надо его освежевать и возвращаться в долину. Подумай о том, какой нас ждёт праздник.

ВТОРОЙ ОХОТНИК Двинемся на рассвете. Сейчас бы развести костёр да согреться. А тело постерегут псы.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК Это не тело, это всего-навсего туша. И надо её освежевать, иначе сделается твёрже камня.

ВТОРОЙ ОХОТНИК Всё думаю: не следует ли нам похоронить его после того, как сдерём с него шкуру? Ведь и он был когда-то человеком, а свою звериную кровь пролил в грязь. И от него останется лишь кучка мяса и костей, точно от старика или ребёнка.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК Насчёт того, что он стар, ты прав. Он был волком ещё в ту пору, когда в этих горах никто не жил. Он

старше деревьев, покрытых белым лишайником. Кто нынче помнит, что у него однажды было имя? Сказать по правде, он уже давным-давно должен был умереть.

ВТОРОЙ ОХОТНИК Но оставить тело без погребения... Это ведь был Ликаон, охотник, как и мы.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК Любого из нас может настигнуть смерть в горах, так что и тело никто не отыщет, кроме дождя да стервятников. Если он и вправду был охотником, то плохо кончил.

ВТОРОЙ ОХОТНИК Он защищался по-старчески, одними глазами. А ты на самом деле не веришь, что он был твоим сородичем. Не веришь его имени. Если б верил, не стал бы глумиться над телом, зная, что он тоже оскорблял мёртвых, тоже был свиреп и жесток, — за это Владыка гор и обратил его в зверя.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК Рассказывают, будто он живьём поджаривал своих сородичей.

ВТОРОЙ ОХОТНИК Я знаю людей, творивших гораздо меньшее зло, и однако же они волки, разве что не воют и не рыщут по лесу. Уверен ли ты, что никогда не чувствовал себя таким же Ликаоном? Всем выпадают такие дни: ежели нас коснётся бог, мы тотчас зарычим и вцепимся в глотку любому, кто встанет на нашем пути. И есть ли другое спасение, кроме как проснуться и вновь обрести эти руки, этот рот, этот голос? А ему спастись не удалось — он навсегда утратил человеческий взгляд и человеческое жилище. Пускай же хоть в смерти он сыщет покой.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК Не думаю, что ему нужен был покой. Куда уж покойнее, чем лежать свернувшись на камне да выть на луну? Я достаточно пожил в лесу и знаю, что у деревьев и зверей нет ни капли страха перед священным: если они порой и глядят на небо, то лишь когда им вздумается пошелестеть листвой или зевнуть. А кое в чём они даже подобны небожителям: никогда не чувствуют вины.

ВТОРОЙ ОХОТНИК Тебя послушать, получается, что волчий удел выше нашего.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК Не знаю, выше или ниже, — но слышал ли ты когда-нибудь, чтобы зверь или растение превращались в человека? А между тем эти края полны мужчин и женщин, которых коснулся бог: кто сделался кустом, кто — птицей, кто — волком. Как бы ни были они нечестивы, сколько бы

преступлений ни совершили — всем даровано было отмыть руки от крови, убежать от вины и надежды, забыть человеческую жизнь. Разве не так живут боги?

ВТОРОЙ ОХОТНИК Кара есть кара, и тот, кто обрекает каре, хотя бы этим являет сострадание, ибо избавляет нечестивца от неизвестности и претворяет вину в судьбу. Даже если зверь забывает прошлое и живёт только ради добычи и смерти, остаётся его имя, остаётся то, чем он был. Вон там, на холме, похоронена та, что прежде звалась Каллисто. Кто нынче знает, в чём она провинилась? Небожители её сурово наказали. Превратить женщину — говорят, она была прелестна — в медведицу, которая рычит и плачет, а по ночам дрожит от страха и хочет домой. Вот бестия, которая не знала покоя. Собственный сын убил её, пронзив копьём, а боги и пальцем не шевельнули. Поговаривают, правда, что потом они раскаялись и сделали её узелком из звёзд. Но тело осталось и было погребено.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК К чему это ты? Мне знакомы эти рассказы. Боги не виноваты в том, что Каллисто не умела смириться. Это всё равно что скорбеть на праздничном пиру или напиваться на похоронах. Если бы я был волком, то оставался бы волком даже во сне.

ВТОРОЙ ОХОТНИК Ты не знаешь путей крови. Боги ничего не прибавляют и ничего не отнимают. Они только легонько касаются тебя и пригвождают к месту. Там, где раньше было желание, был выбор, теперь глядь — судьба. Вот это и значит сделаться волком. Но ты остаёшься тем, кто покинул своё жилище, остаёшься прежним Ликаоном.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК Ты, значит, хочешь сказать, что в зубах псов Ликаон страдал, как затравленный на охоте человек?

ВТОРОЙ ОХОТНИК Он был стар, немощен; ты сам заметил, что он не мог защищаться. Пока он молча умирал на камнях, мне представились те старые нищие, что, бывает, зайдут к кому-нибудь во двор, а там собаки так и рвутся с цепи, того гляди покусают. Среди людей случается и такое. Пускай он жил как волк. Но глядя на нас перед смертью, он понял, что был человеком. Об этом сказали его глаза.

ПЕРВЫЙ ОХОТНИК И ты думаешь, друг, что ему это нужно — гнить в земле как человек, когда последним, что он видел, были люди, которые на него охотились?

ВТОРОЙ ОХОТНИК По ту сторону смерти лежит покой. Один удел для всех. Это нужно живым, это нужно волку, живущему в каждом из нас. Нам выпало убить его. Соблюдём же обычай, а обиду оставим богам. Возвратимся домой с чистыми руками.

ГОСТЬ

О Фригии и Лидии греки всегда любили рассказывать леденящие душу истории. Разумеется, всё это происходило у них на родине, но в более древние времена.

Нет смысла говорить, кто проиграл состязание в жатве.

(Разговаривают Литиерс и Геракл.)

ЛИТИЕРС Вот и поле, чужестранец. Мы не хуже вашего знаем толк в гостеприимстве. Сбежать отсюда тебе не удастся, и коли ты с нами ел и пил, наша земля напьётся твоей крови. На будущий год берега Меандра увидят куда более богатый урожай.

ГЕРАКЛ И что, многих вы убили в этом поле?

ЛИТИЕРС Достаточно. Да вот беда: никто из них не обладал твоей силой и в одиночку нам не годился. А у тебя вдобавок бурая кожа и глаза подобны цветам — ты придашь этой земле плодородия.

ГЕРАКЛ Кто вас этому научил?

ЛИТИЕРС Так делали всегда. Ежели не кормить землю, как можно просить, чтобы она тебя кормила?

ГЕРАКЛ Пшеница у тебя, как погляжу, и в нынешнем году уродилась на славу. Колосья достают жнецам до плеч. Кого же это вы заклали?

ЛИТИЕРС Иноземцы к нам не заходили. Пришлось убить старого раба и с ним козла. Чахлая это была кровь — земля едва её почуяла. Глянь, какой тощий колос. Прежде чем зарезать жертву, надо, чтобы её тело вспенилось на солнце обильным потом. Так что сперва примешься жать, а после — связывать снопы, покуда хорошенько не взмокнешь, и только потом, когда кровь твоя закипит живой силой, настанет пора перерезать тебе горло. Ты молод и крепок.

ГЕРАКЛ А что говорят ваши боги?

ЛИТИЕРС Над полем нет богов. Есть лишь земля, Мать, Пещера, которая всегда ждёт и пробуждается только от потока крови. Нынче вечером, чужестранец, ты сам войдёшь в пещеру.

ГЕРАКЛ А вы, фригийцы, не спускаетесь в пещеру?

ЛИТИЕРС Мы выходим из неё, когда рождаемся, и нам нет нужды спешить обратно.

ГЕРАКЛ Ясно. Стало быть, вашим богам надобно, чтобы их удобряли кровью.

ЛИТИЕРС Не богам, а земле, чужестранец. Разве вы сами не на земле живёте?

ГЕРАКЛ Наши боги обитают не в земле, они правят морем и землёй, лесами и тучами, как пастух пасёт стадо, как хозяин повелевает рабами. Они от всего отрешены на своей горе, как мысли в глазах говорящего или как небесные тучи. Они не нуждаются в крови.

ЛИТИЕРС Я не понимаю тебя, чужеземный гость. И туча и скала и пещера носят у нас одно имя и ни от чего не отрешены. Кровь, которую дала нам Мать, мы возвращаем ей с потом, испражнениями, смертью. Ты и вправду прибыл издалека. Ваши тамошние боги — ничто.

ГЕРАКЛ Это племя бессмертных. Они покорили лес, землю и собственных чудовищ. Они охотились в пещерах на тех, кто, подобно тебе, проливал кровь, чтобы напитать землю.

ЛИТИЕРС Вот видишь, твои боги знают, что делают. Даже они должны были насытить землю. К тому же, едва ли такой богатырь, как ты, родился от голодной земли.

ГЕРАКЛ Ну что же, Литиерс, приступим к жатве?

ЛИТИЕРС Станный ты человек, чужеземец. Никто ещё не говорил таких слов, стоя перед полем. А ты не боишься умереть на снопе? Или, может, надеешься ускользнуть между бороздами, точно перепел или белка?

ГЕРАКЛ Если я правильно понял, это не смерть, а возвращение к Матери и, стало быть, дар гостя. Эти земледельцы, что обливаются потом в поле, прославят молитвой и пением всякого, кто прольёт за них свою кровь. Это великая честь.

ЛИТИЕРС Благодарю тебя, чужестранец. Клянусь, тот раб, которого мы заклали в прошлом году, такого не говорил. Он был стар и дряхл, однако же пришлось накрепко связать его жгутами из ивовой коры, а когда в ход пошли серпы, он так долго брыкался, что истёк кровью прежде, чем упал.

ГЕРАКЛ На этот раз, Литиерс, всё пройдёт гладко. А скажи-ка, после того как несчастный умерщвлён, что вы с ним делаете?

ЛИТИЕРС Его режут на части ещё живого и разбрасывают куски плоти по полю, чтобы коснуться Матери. А окровавленную голову мы обвиваем колосьями и цветами и с радостными песнями бросаем в Меандр. Ибо Мать — это не только земля, но, как я уже сказал тебе, и туча, и вода.

ГЕРАКЛ Ты весьма сведущ, Литиерс; недаром ты властелин полей в Келенах. А что, в Пессинунте тоже убивают людей?

ЛИТИЕРС На свете, чужеземец, людей убивают повсюду. У нас пшеница всходит только на той почве, которой коснулись. Земля живая, и её тоже нужно кормить.

ГЕРАКЛ Но почему тот, кого вы убиваете, непременно должен быть чужестранцем? Отчего эта земля, эта пещера, которая вас породила, не предпочтёт впитать обратно собственные соки? Разве сам ты за трапезой не предпочтёшь хлеб и вино со своих угодий?

ЛИТИЕРС Ты нравишься мне, чужеземец; ты принимаешь наши заботы так близко к сердцу, будто среди нас вырос. Но посуди сам: трудясь на этих полях — для чего проливаем мы пот? Чтобы жить, не так ли? Стало быть, это справедливо, если мы остаёмся жить и наслаждаться плодами наших рук, а умирают другие. Ты всё-таки не земледелец.

ГЕРАКЛ Но разве не было бы ещё более справедливо найти способ покончить с кровопролитием, дабы все — и чужестранцы, и местные — могли вместе есть хлеб? Убить единожды кого-либо такого, кто бы раз и навсегда сделал плодоносными и землю, и тучи, и силу солнца над этой равниной?

ЛИТИЕРС Ты не земледелец, это видно. Не знаешь даже того, что земля начинает заново с каждым солнцестоянием и что круговорот года всё истощает.

ГЕРАКЛ Но ведь на этой равнине наверняка сыщется тот, кто через поколения предков напился всеми соками года, кто столь богат, и силен, и полнокровен, что его одного достанет, дабы навеки восполнить земле ушедшие времена?

ЛИТИЕРС Ты рассмешил меня, чужеземец. Как будто говоришь обо мне. В Келенах я единственный, чей род жил на этой земле искони. Я здесь господин, и ты это знаешь.

ГЕРАКЛ Да, я говорю о тебе. Приступим к жатве, Литиерс. Я прибыл из Греции, чтобы свершить это кровавое дело. Начнём же. И нынче вечером ты вернёшься в пещеру.

ЛИТИЕРС Ты хочешь убить меня на моём собственном поле?

ГЕРАКЛ Я хочу сразиться с тобою не на жизнь, а на смерть.

ЛИТИЕРС Да умеешь ли ты хотя бы обращаться с серпом, чужеземец?

ГЕРАКЛ Не беспокойся, Литиерс. Принимайся за дело.

ЛИТИЕРС Конечно, руки у тебя крепкие.

ГЕРАКЛ Принимайся за дело.

КОСТРЫ

Греки тоже совершали человеческие жертвоприношения. Это было во всех земледельческих культурах. И все культуры были земледельческими.

(Разговаривают два пастуха.)

СЫН Вся гора полыхает.

ОТЕЦ Это ещё что! Вот погляди-ка нынче ночью на Киферон. В этом году мы забрались слишком высоко. Ты согнал животных?

СЫН Наш костёр никому не виден.

ОТЕЦ Мы его зажгли, это главное.

СЫН Огней больше, чем звёзд.

ОТЕЦ Подкинь углей.

СЫН Готово.

ОТЕЦ О Зевс, прими нашу жертву, это молоко и этот мёд; мы бедные пастухи и не можем распоряжаться не своим стадом. Да прогонит этот огонь все беды, и да стуются над нами дождевые тучи, подобно тому как над костром стуется дым... Смочи ветку и покропи, сын. Довольно и того, что на богатых подворьях зарежут барашка. Если уж быть дождю, то повсюду.

СЫН Отец, а что это там, внизу — костры или звёзды?

ОТЕЦ Ты не туда смотришь. Кропить надо в сторону моря. Дожди приходят с моря.

СЫН Отец, а далеко ли добирается дождь? Неужто он и правда льёт повсюду? И в Феспии? И в Фивах? Там у них нет моря.

ОТЕЦ Но у них есть пастбища, дурачок. Им нужны колодцы. Так что и они сейчас разожгли костры.

СЫН А за Феспией? А ещё дальше? Там, где кругом одни горы, даже если прошагать целый день и целую ночь? Мне говорили, что там никогда не бывает дождей.

ОТЕЦ Нынче ночью костры горят повсюду.

СЫН Почему же дождя ещё нет, раз костры горят?

ОТЕЦ Сегодня праздник, сын. Ежели костры зальёт, кого это обрадует? Дождь пойдёт завтра.

СЫН А что, на горящие костры дождь никогда не проливался?

ОТЕЦ Кто знает? Их зажигали ещё в те времена, когда не было ни тебя, ни меня. Всегда в эту ночь. Говорят, однажды дождь пролился-таки прямо на костры.

СЫН Правда?

ОТЕЦ Но это было в ту пору, когда люди вели более праведную жизнь, чем ныне, и даже царские сыновья были пастухами. Вся эта земля была как одно большое гумно, чистое, утоптанное, и правил ею царь Афамант. Люди жили себе и трудились, и не было нужды прятать козлят от хозяина. Рассказывают, что однажды пришёл страшный пёсий зной, пастбища и колодцы высыхали, люди умирали. От костров не было проку. Тогда Афамант созвал совет. А сам-то царь был уже стар, и с недавних пор в доме всем распоряжалась и всеми помыкала его новая молодая жена; она и вбила ему в голову, что, мол, не время проявлять мягкость, а то можно потерять доверие народа. Разве не было молитв и кроплений? Были. Разве не зарезали барана, быка, много быков? Зарезали. И что это дало? Ничего. Значит, надо принести в жертву царских сыновей. Понимаешь? Нет, не её сыновей, ясное дело — от неё у царя детей не было; речь шла о двух сыновьях Афаманта от первой жены, уже взрослых, которые целыми днями работали в поле. И Афамант, сбитый с толку, решился на это и велел их позвать. Да они-то сразу смекнули, в чём дело, — всем известно, что царские сыновья не дураки, — и дали дёру. А с ними вместе исчезли и первые облака, которые бог послал было в те края, едва прошёл слух о царской затее. Тут эта ведьма и говорит: "Видали? Праведный был замысел, тучи уже собирались. Мы должны кого-то убить". Да так настойчиво увещевала, что люди решили схватить Афаманта и сжечь его на костре. Складывают поленья, разжигают огонь; приводят Афаманта, связанного и украшенного цветами, точно священный вол. Но едва собрались они бросить его в костёр, как погода тотчас переменилась. Загремел гром, засверкали молнии — и на землю обрушились потоки божественной воды. Поле возродилось к жизни. Вода залила костёр, а добрый Афамант всех простил, даже свою жену. Будь осторожен с женщинами, сын. Легче отличить одну змею от другой.

СЫН А царские сыновья?

ОТЕЦ О них больше не слыхали. Но у таких достойных юношей всё наверняка сложилось благополучно.

СЫН Ты говоришь, люди в ту пору были праведны — почему же они захотели сжечь двух юношей?

ОТЕЦ Дурень, ты не знаешь, что такое пёсий зной. А я знаю, и дед твой знал. Это тебе не зима. Зима хоть и сурова, но всем известно, что она хранит посевы. А пёсий зной — совсем другое дело. Он всё сжигает. Всё умирает, голод и жажда меняют человека так, что не узнать. Возьми любого, кто долго не ел: он как с цепи сорвался. А в ту пору, представь, люди жили в мире и согласии, у каждого был свой надел земли, все привыкли к благодеянию и благоденствию. И вдруг — колодцы высыхают, нивы горят, повсюду голод и жажда. Да тут всякий превратится в дикого зверя.

СЫН Это были дурные люди.

ОТЕЦ Не дурнее нашего. Наш пёсий зной — это хозяева. И никакой дождь нас от них не избавит.

СЫН Мне уже не нравятся эти костры. Зачем они нужны богам? Неужели когда-то на них и правда сжигали людей?

ОТЕЦ Не всех подряд. Сжигали увечных, бездельников и сумасшедших. Тех, от кого не было пользы. Тех, кто воровал пшеницу. Богам этого было довольно. Хорошо ли, худо ли, а дождь всегда проливался.

СЫН Не понимаю, что за радость была в этом богам. Дождь и так проливался. А костёр Афаманта они и вовсе погасили.

ОТЕЦ Пойми, боги — это хозяева. Как наши с тобой господа. Думаешь, они стали бы смотреть, как сжигают одного из них? Они друг друга выручают. А вот нас не выручит никто. Дождь ли, ведро ли — какая богам разница? Вот мы и зажигаем костры и говорим, что придёт дождь. А хозяевам что за дело? Ты когда-нибудь видел их в поле?

СЫН Я — нет.

ОТЕЦ То-то и оно. Ежели когда-то достаточно было развести костёр да сжечь на нём какого-нибудь лоботряса, чтобы вызвать дождь и спасти урожай, — то нынче сколько господских домов надобно спалить, сколько хозяев перебить на улицах и

площадях, прежде чем мир снова станет справедливым и мы сможем решать за себя?

СЫН А как же боги?

ОТЕЦ При чём здесь они?

СЫН Ты же сам сказал, что боги с хозяевами заодно. Это они — хозяева.

ОТЕЦ Будем резать козлят. Что ещё поделаешь? Будем убивать бездельников и тех, кто ворует пшеницу. Будем жечь костры.

СЫН Скорей бы уже наступило утро. Я боюсь богов.

ОТЕЦ И правильно делаешь. Богов надо перетянуть на нашу сторону. В твоём возрасте трудно о них не думать.

СЫН Я не хочу о них думать. Они несправедливы, эти боги. Зачем им нужно, чтобы людей сжигали заживо?

ОТЕЦ Иначе они бы не звались богами. Чем, по-твоему, занять себя тому, кто не трудится? Когда они ещё не стали хозяевами и жизнь на земле была устроена по справедливости, приходилось время от времени кого-то убивать, чтобы их потешить. Такова их природа. А в наше время им этого больше не нужно. На свете так много несчастных, что богам достаточно просто смотреть на нас.

СЫН Значит, они тоже бездельники.

ОТЕЦ Бездельники. Так и есть.

СЫН А что говорили те калеки, которых сжигали на кострах? Они кричали?

ОТЕЦ Дело не в криках. А в том, кто кричит. От калеки или злодея добра не ищут. Но гораздо хуже, когда человек, которому нужно кормить детей, видит, как бездельники жиреют. Вот где несправедливость.

СЫН Не могу спокойно думать об этих древних кострах. Погляди, сколько их там, внизу.

ОТЕЦ Не обязательно было на каждом костре сжигать по юноше. Это как у нас нынче с козлятами. Посуди сам. Если принесена жертва и пошёл дождь, так он пошёл для всех. Одного человека хватало на целую гору, на целый край.

СЫН Не хочу слышать об этом, не хочу! Правильно делают хозяева, что пьют нашу кровь, коли мы были так

несправедливы друг к другу. И боги правильно делают, что смотрят, как мы страдаем. Все мы дурны.

ОТЕЦ Смочи ветку, сын, и покропи. Ты ещё многого не знаешь. Зато уже рассуждаешь о том, что справедливо, а что нет. Говорю же, в сторону моря, тупица... О Зевс, прими нашу жертву...

ОСТРОВ

Все знают, что Одиссей, возвращаясь домой, потерпел кораблекрушение и девять лет провёл на острове Огигия, где не было никого, кроме Калипсо, древней богини.

(Разговаривают Калипсо и Одиссей.)

КАЛИПСО Одиссей, между нами нет большой разницы. Ты тоже хочешь остаться на острове, как я. Ты всё видел и всё испытал. Может быть, однажды я расскажу тебе, что испытала сама. Мы оба устали от бремени судьбы. К чему продолжать? И так ли важно, что остров не тот, который ты искал? Здесь никогда ничего не происходит. Только кусочек земли и горизонт. Здесь ты можешь жить вечно.

ОДИССЕЙ Бессмертная жизнь.

КАЛИПСО Бессмертен тот, кто принимает мгновение. Тот, кто больше не знает завтрашнего дня. Но если тебе нравится это слово, говори его. Ты правда готов?

ОДИССЕЙ Я думал, что бессмертен тот, кто не боится смерти.

КАЛИПСО Тот, кто не надеется жить. Конечно, ты почти стал таким. Ты тоже многое вытерпел. Но к чему эта безумная жажда вернуться домой? Ты всё ещё не нашёл покоя. К чему эти разговоры, которые ты ведёшь сам с собой среди прибрежных скал?

ОДИССЕЙ Если бы завтра я уплыл, ты была бы несчастна?

КАЛИПСО Ты хочешь знать чересчур много, милый. Довольно будет сказать, что я бессмертна. Но если ты не отречёшься от своих воспоминаний и снов, если не оставишь свою жажду и не примешь горизонт, то никогда не избежишь той судьбы, которую знаешь.

ОДИССЕЙ Ты всё время о том, чтобы принять горизонт. И обрести что?

КАЛИПСО Отдых и молчание, Одиссей. Ты никогда не спрашивал себя, почему даже мы ищем сна? Никогда не задумывался о том, куда уходят старые боги, которых мир больше

не знает? почему они погружаются в глубь времени, словно камни в землю, хоть они и вечны? И кто такая я, кто такая Калипсо?

ОДИССЕЙ Я спросил, счастлива ли ты.

КАЛИПСО Дело не в этом, Одиссей. На этом пустынном острове даже воздух, что дрожит ныне только от гула прибоя и птичьих криков, — даже этот воздух слишком пуст. Посмотри: в этой пустоте совсем не о чем сожалеть. Разве сам ты порой не слышишь такую тишину, словно всё остановилось, — тишину, похожую на след какого-то давно исчезнувшего напряжения и присутствия?

ОДИССЕЙ Значит, ты тоже беседуешь со скалами?

КАЛИПСО Говорю тебе, это тишина. Что-то далёкое, почти мёртвое. Что было и чего никогда больше не будет. В старом мире богов, когда любое моё деяние было судьбой. У меня были страшные имена, Одиссей. Мне повиновались земля и море. Потом я устала; прошло время, я больше не желала двигаться. Кто-то из нас воспротивился новым богам; я оставила свои имена, чтобы они погрузились в глубь времени; всё изменилось и осталось прежним; не было смысла бороться за судьбу с новыми богами. Я уже знала свой горизонт и понимала, почему старые боги не боролись вместе с нами.

ОДИССЕЙ Разве ты не была бессмертна?

КАЛИПСО Была и есть, Одиссей. Умереть я не надеюсь. И не надеюсь жить. Я принимаю мгновение. Вас, смертных, ждёт нечто похожее, старость и сожаление. Почему не хочешь ты приклонить голову на этом острове, как я?

ОДИССЕЙ Я сделал бы это, если бы думал, что ты смирилась. Но даже ты, которая была владычицей всего на свете, нуждаешься во мне, смертном, чтобы я помог тебе вынести твой удел.

КАЛИПСО Это благо, которое мы дарим друг другу, Одиссей. Тишина не подлинна, если её не с кем разделить.

ОДИССЕЙ Разве недостаточно того, что сейчас я с тобой?

КАЛИПСО Ты не со мной, Одиссей. Ты не принимаешь горизонт этого острова. И не избавляешься от сожаления.

ОДИССЕЙ То, о чём я сожалею, — живая часть меня самого, так же как твоя тишина — это часть тебя. Что изменилось для тебя с той поры, когда тебе повиновались земля и море? Ты

почувствовала себя одинокой и уставшей и забыла свои имена. Тебя ничего не лишили. Ты сама захотела стать тем, что ты есть.

КАЛИПСО То, что я есть, — это почти ничто, милый. Почти смертная, почти тень, как ты. Это длинный сон, который начался неизвестно когда, и ты вошёл в этот сон, подобно сновидению. Я боюсь рассвета, боюсь пробудиться; если ты уедешь, я проснусь.

ОДИССЕЙ И это говоришь ты, госпожа?

КАЛИПСО Я боюсь пробудиться — не меньше, чем ты боишься умереть. Да, прежде я была мертва, теперь я это знаю. На этом острове от меня оставался только голос моря и ветра. О нет, я не страдала. Я спала. Но когда ты приехал, то принёс в себе другой остров.

ОДИССЕЙ Я очень давно ищущего. Ты не знаешь, каково это: видеть перед собою землю и всякий раз зажиматься, чтобы себя обмануть. Я не могу смириться и молчать.

КАЛИПСО Однако же, Одиссей, вы, люди, говорите, что вновь обрести потерянное — это всегда зло. Прошлое не возвращается. Ничто не выдерживает хода времени. Ты, видевший Океан, чудовищ, Элисий, — смог бы ты теперь узнать дом, свой дом?

ОДИССЕЙ Ты сама сказала, что я ношу свой остров в себе.

КАЛИПСО О, изменившийся, потерянный, ставший тишиной. Эхом волн между скал; струйкой дыма. Никто не сможет разделить его с тобой. Его дома будут похожи на лицо старика. Твоя речь будет говорить не то, что значат слова. Ты будешь более одинок, чем в море.

ОДИССЕЙ По крайней мере, я буду знать, что должен остаться.

КАЛИПСО В этом нет смысла, Одиссей. Кто не может остановиться здесь и сейчас, не остановится никогда. Ты так и будешь делать то, что делаешь. Однажды ты должен порвать с судьбой, сойти с пути и погрузиться в глубь времени...

ОДИССЕЙ Я не бессмертен.

КАЛИПСО Ты станешь им, если послушаешь меня. Что такое вечная жизнь, как не это принятие мгновения, которое приходит, и мгновения, которое уходит? Опыление,

наслаждение, смерть — у всего этого нет иной цели. Чего достиг ты в своих беспокойных скитаниях?

ОДИССЕЙ Если бы я знал, то уже остановился бы. Но ты кое о чём забываешь.

КАЛИПСО О чём же?

ОДИССЕЙ То, что я ищу, — у меня в сердце, как и у тебя.

ОЗЕРО

Ипполит, девственный охотник из Трезена, умер страшной смертью из-за того, что оскорбил Афродиту. Но Диана воскресила его и перенесла в Италию (Гесперию), в Альбанские горы, где приобщила к своему культу и назвала Вирбием. У Вирбия родились дети от нимфы Арикии.

Для древних Запад — вспомним "Одиссею" — был страной мёртвых.

(Разговаривают Вирбий и Диана.)

ВИРБИЙ Признáюсь, я был рад оказаться здесь. Это озеро напомнило мне прежнее море. Я был счастлив жить твоей жизнью, оставаться для всех мёртвым, служить тебе в лесу и в горах. Здесь ни звери, ни вершины, ни селяне не знают ничего и никого, кроме тебя. Это страна без прошлого, страна мёртвых.

ДИАНА Ипполит...

ВИРБИЙ Ипполит умер, ты назвала меня Вирбием.

ДИАНА Ипполит, неужели вы, смертные, даже умерев, не забываете жизнь?

ВИРБИЙ Послушай. Для всех я умер и служу тебе. Когда ты похитила меня из Аида и вернула на свет, я просил только о том, чтобы двигаться, дышать и почитать тебя. Ты перенесла меня сюда, где земля и небо сияют, где всё полно сладости и силы, где всё ново. Здесь даже ночь моложе и глубже, чем у меня на родине. Здесь не проходит время. Не остаётся воспоминаний. Здесь правишь ты одна.

ДИАНА Ты весь пропитан воспоминаниями, Ипполит. Но допустим на мгновение, что это земля мёртвых: разве есть в Аиде другое занятие, кроме как заново проживать прошлое?

ВИРБИЙ Говорю тебе, Ипполит умер. И это озеро, похожее на небо, ничего не знает об Ипполите. Если бы меня не было, эта земля оставалась бы точно такой же. Словно видишь её в воображении, с небес, сквозь облака. Давным-давно — ещё ребёнком — я думал, что, если уйти далеко за родные горы, туда, где садится солнце, — надо только идти, идти без остановки, — то придёшь в утреннюю страну детства, охоты и вечной игры. А один раб сказал мне: "Остерегайся своих желаний, малыш. Боги всегда их исполняют". Вот и сбылось. Я не знал, что хотел смерти.

ДИАНА Ну вот, ещё одно воспоминание. Чем ты недоволен?

ВИРБИЙ О дикарка, я сам не знаю. Кажется, будто я открыл глаза и очутился здесь только вчера. Знаю, прошло очень много времени, а эти горы, эта вода, эти огромные деревья всё так же неподвижны и безмолвны. Кто такой Вирбий? Не тот ли я мальчик, что каждое утро, пробудившись, возвращается к игре, словно времени нет и в помине?

ДИАНА Ты — Ипполит, юноша, который умер, чтобы пойти за мной. И ныне ты живёшь вне времени. Тебе не нужны воспоминания. Со мною живут одним днём, как заяц, как олень, как волк. Ты всегда бежишь, и тебя всегда преследуют. Это не страна мёртвых, но живые сумерки вечного утра. Тебе не нужны воспоминания, ибо это жизнь, которую ты знал искони.

ВИРБИЙ В здешних местах и вправду больше жизни, чем было на родине. Во всём, что вокруг, и в самом солнце сияет такой свет, словно исходит изнутри некая сила, которой как будто ещё не коснулись дни. Что значит эта Гесперийская земля для вас, богов?

ДИАНА Она ничем не отличается от всех прочих, что есть на свете. Мы не живём ни прошлым, ни будущим. Каждый день для нас — как первый. То, что кажется тебе великой тишиной, и есть наше небо.

ВИРБИЙ Но ведь я жил в тех краях, которые тебе милее. Я охотился в Дидимах, бегал по взморью в Трезене, местах столь же бедных и диких, сколь и я сам. А в этой нечеловеческой тишине, в этой жизни за пределами жизни я ещё не сделал ни единого вздоха. Отчего здесь так одиноко?

ДИАНА Ты и впрямь мальчишка. Страна, в которой не бывал ни один смертный, всегда будет землёй мёртвых. Из твоего моря, с твоих островов приплывут другие — и будут думать, что вступают в Аид. А есть ведь земли, что лежат ещё дальше...

ВИРБИЙ Другие озёра, другие утра, подобные этим. Где вода синее, чем сливы в зелёной листве. Мне кажется, будто я тень среди древесных теней. Чем больше я согреваюсь под этим солнцем и питаюсь от этой земли, тем больше, кажется, растворяюсь в капели и шелесте, в плеске озера, в лесных шорохах.

Есть что-то далёкое там, за деревьями, в камнях, в моём собственном поте.

ДИАНА Всё это наваждения твоего детства.

ВИРБИЙ Я больше не ребёнок. Я знаю тебя, я вернулся из Аида. Моя земля далеко, дальше этих облаков небесных. Гляди, я прохожу сквозь деревья и любые предметы, словно сквозь облака.

ДИАНА Ты счастлив, Ипполит. Если кому из людей и даровано было стать счастливым, так это тебе.

ВИРБИЙ Счастлив тот юноша, которым я был, который умер. Ты спасла его, и я благодарю тебя. Но тот, кто родился заново, твой слуга, беглец, стерегущий твою дубовую рощу и твои леса, — он несчастлив, ибо даже не знает, существует ли. Кто ответит ему? кто поговорит с ним? Его сегодня — прибавит ли оно что-то к его вчера?

ДИАНА Значит, Вирбий, в этом всё дело? Ты хочешь, чтобы рядом кто-то был?

ВИРБИЙ Ты знаешь, чего я хочу.

ДИАНА Все смертные в конце концов просят об этом. Что же это такое у вас в крови?

ВИРБИЙ Ты спрашиваешь меня, что такое кровь?

ДИАНА Есть некий божественный вкус в пролитой крови. Сколько раз я видела, как ты опрокидывал косулю или волка, перерезал им горло и окунал руки в их кровь. Этим ты мне и нравился. Но другая кровь, ваша, которая вздувает ваши вены и воспаляет глаза, — эта кровь мне знакома меньше. Я знаю, что для вас она — жизнь и судьба.

ВИРБИЙ Однажды я уже пролил её. И ныне, чувствуя, как она беспокойно и смутно течёт во мне, убеждаюсь, что жив. Мне не хватает ни силы этих зарослей, ни света этого озера. Всё это — словно облака, вечные странники утра и вечера, стражи горизонта, видения Аида. Только другая кровь может утишить мою. Та, что беспокойно течёт и познаёт насыщение.

ДИАНА Короче говоря, ты хочешь резать глотки?

ВИРБИЙ Ты права, дикарка. Сначала, когда я был Ипполитом, я резал зверей. Этого мне хватало. Но теперь, здесь, в этом краю мёртвых, даже звери растворяются в моих руках, как туман. Думаю, что в этом моя вина. Но я хочу осязать горячую,

братскую кровь. Я хочу, чтобы у меня были голос и судьба. О дикарка, даруй мне это!

ДИАНА Подумай хорошенько, Вирбий-Ипполит. Ты был счастлив.

ВИРБИЙ Это не важно, госпожа. Я слишком часто смотрел на своё отражение в озере. Я прошу жизни, а не счастья.

КОЛДУНЫИ

Одиссей прибыл на остров Кирки, будучи предупреждён об опасности и чудесным образом защищён от чар колдуньи. Отсюда бесполезность её волшебного жезла. Но Кирка — древняя средиземноморская богиня, пониженная в чине, — давно знала, что Одиссей вмешается в её судьбу. О чём Гомер рассказывает не столь подробно, сколь хотелось бы.

(Разговаривают Кирка и Левкофея.)

КИРКА Поверь, Левко́, я сразу-то и не поняла. Бывает, перепутаешь формулу, память подведёт. И всё-таки я до него дотронулась. По правде говоря, я так давно его ждала, что и думать забыла. А когда поняла, — он уже вскочил и потянулся за мечом, — то не смогла сдержать улыбку — такое это было счастье и в то же время разочарование. Даже было подумала, не бросить ли всё, не убежать ли от судьбы. "В конце концов, — подумала я, — это же Одиссей, который хочет вернуться домой." Уже собралась посадить его в лодку. Милая Левко́! Он размахивал своим мечом — такой смешной и бравый, каким бывает только смертный мужчина, — а мне оставалось только улыбаться и разглядывать его, как всех прочих, а потом смутиться и отступить. Я чувствовала себя девчонкой, прямо как в детстве, когда нам рассказывали, что́ мы будем делать, когда вырастем, а мы давай хохотать. Всё это напоминало танец. Он взял меня за руки, возвысил голос, я залилась краской — а была-то без кровинки в лице, Левко́! — обняла его колени и начала свою роль: "Кто ты? Откуда? Каких ты родителей?.."² Бедненький, думала я, знать не знает, что ему уготовано. Он был рослым, кудрявым — настоящий красавец, Левко́. Какой великолепный вепрь, какой волк получился бы из него!

ЛЕВКОФЕЯ А ты рассказывала ему обо всём этом потом? Ведь он целый год провёл у тебя.

КИРКА Ах девочка, никогда не говори со смертными о судьбе. Они думают, будто всё сказано, коли назвали её железной

² Гомер, «Одиссея», X, 325, пер. В.А. Жуковского.

цепью или роковым законом. Нас они кличут роковыми владычицами, сама знаешь.

ЛЕВКОФЕЯ Они не умеют улыбаться.

КИРКА Верно. Кое-кто из них умеет рассмеяться в лицо судьбе, кое-кто смеётся после, но пока она вершится, им надо принимать судьбу всерьёз, иначе умрут. Они не умеют забавляться с божественным, не умеют вжиться в роль и играть её, как мы. Их жизнь так коротка, что им невыносимо делать уже сделанное или известное заранее. Даже он, тот самый, отважный Одиссей, отказывался меня понимать, когда я говорила ему что-нибудь в этом роде, и всё думал о Пенелопе.

ЛЕВКОФЕЯ Какая тоска!

КИРКА Да, но, ты знаешь, я его понимаю. С Пенелопой ему не нужно было улыбаться, с нею всё было всерьёз и впервые, даже каждодневная трапеза, — так они могли готовиться к смерти. Ты себе не представляешь, как притягивает их смерть. Конечно, смерть для них — это судьба, это репетиция чего-то уже известного, но они притворяются, будто она что-то меняет.

ЛЕВКОФЕЯ Почему же тогда он не захотел превратиться в вепря?

КИРКА Ах Левко́, он не захотел превратиться даже в бога — помнишь, как его умоляла Калипсо, эта дурочка? Таким уж он был, Одиссей — ни вепрь, ни бог, человек-одиночка, страшно умный и храбрый перед лицом судьбы.

ЛЕВКОФЕЯ Признайся, дорогая моя, тебе очень с ним понравилось?

КИРКА Вот что я думаю, Левко́. Ещё ни одной богине не приходило в голову сделаться смертной, ни одна из нас никогда этого не желала. А ведь это было бы нечто совсем новое, что разбило бы цепь.

ЛЕВКОФЕЯ И ты бы этого хотела?

КИРКА Что и говорить, Левко́... Одиссей не понимал, отчего я улыбаюсь. Частенько он не понимал даже того, что я вообще улыбаюсь. Однажды мне показалось, будто я смогла ему объяснить, почему животное больше похоже на нас, бессмертных, нежели умный и отважный человек. Животное, которое ест, совокупляется и ничего не помнит. Он ответил мне, что на родине

его ждёт пёс, несчастный пёс, который, быть может, уже умер, и назвал его имя. Понимаешь, Левко́, у этого пса было имя.

ЛЕВКОФЕЯ Люди и нам дают имена.

КИРКА Какими только именами не звал меня Одиссей на моём ложе! Каждый раз — новое имя. Сначала это было что-то звериное, похожее на голос вепря или волка, но потом он и сам начал понимать, что по слогам произносит какое-то слово. Он звал меня именами всех богинь, наших сестёр, именами матери всего живого. Он как будто боролся со мною и с судьбой. Он хотел именовать меня, обладать мной, сделать меня смертной. Хотел что-то разрушить. Ума и отваги ему было не занимать — но улыбнуться он так и не сумел. Так и не понял, что такое улыбка бессмертных — тех, кто знает судьбу.

ЛЕВКОФЕЯ Никто из людей не понимает ни нашей природы, ни звериной. Видала я их, этих твоих смертных. Преврати их хоть в волков, хоть в свиней, они всё равно воют как люди. Просто мука. При всём своём уме они страшно грубы внутри. Ты ведь не раз и не два играла с ними?

КИРКА Я забавляюсь с ними, Левко́. Забавляюсь как могу. Мне не было дано заполучить к себе в постель бога, а среди смертных Одиссей был единственным. Все прочие, к кому я прикасаюсь, превращаются в животных, теряют рассудок да так и кидаются на меня, по-звериному. И я принимаю их, Левко́: ведь их бешенство не лучше и не хуже любви бога. Но с ними даже не надо улыбаться — покроют меня и убегают прочь в своё логово. С ними я никогда не опускаю глаз.

ЛЕВКОФЕЯ А Одиссей...

КИРКА Мне даже не любопытно, кем они были... Ты хочешь знать, кем был Одиссей?

ЛЕВКОФЕЯ Кем, Кирка?

КИРКА Однажды вечером он поведал мне о том, как прибыл на Эю, о страхе, охватившем его товарищей, о страже, поставленной возле кораблей. Сказал, что всю ночь, лёжа на берегу моря под своими плащами, они слушали вой и рёв. А после, уже на восходе, увидели, как из-за леса поднимается дымок, и закричали от радости, узнав свою родину, свои дома. Он говорил всё это и улыбался — как улыбаются смертные, — сидя рядом со

мной перед очагом. Говорил, что хотел бы забыть, кто он и откуда, и в тот вечер назвал меня Пенелопой.

ЛЕВКОФЕЯ О Кирка, да неужто он совсем обезумел?

КИРКА Ах Левчинка, я и сама обезумела, даже посоветовала ему поплакать.

ЛЕВКОФЕЯ Эх тебя занесло!

КИРКА Нет, он не заплакал. Он знал, что Кирка любит зверей, которые не плачут. А заплакал он позже, заплакал в тот день, когда я сказала ему о том, какой долгий путь его ждёт, и о сошествии в Аверн, и о крошечной тьме Океана. Этот плач, который очищает взор и придаёт сил, понятен даже мне, Кирке. Но в тот вечер он заговорил — с каким-то двусмысленным смехом — о своём детстве и о судьбе своей и попросил, чтобы я рассказала о себе. Он говорил и смеялся, понимаешь?

ЛЕВКОФЕЯ Не понимаю.

КИРКА Он смеялся. Смеялись его губы и голос. Но глаза — они были полны воспоминаний. А потом он велел мне спеть. И я запела, сев за кросна, и превратила свой хриплый голос в голос его родины, его детства, и пела нежно-нежно, и стала для него Пенелопой. А он охватил руками голову.

ЛЕВКОФЕЯ Кто же смеялся последним?

КИРКА Никто, Левко́. В тот вечер я тоже была смертной. У меня было имя — Пенелопа. Это был единственный раз, когда я без улыбки взглянула в лицо своей судьбе и опустила глаза.

ЛЕВКОФЕЯ И этот человек любил пса?

КИРКА Пса, женщину, своего сына и корабль, на котором можно бороздить море. И бесконечное круговращение дней никогда не казалось ему судьбой: он двигался к смерти, зная, что она такое, и наполнял землю словами и делами.

ЛЕВКОФЕЯ Ах Кирка, нет у меня таких глаз, как у тебя, а то бы и я сейчас улыбнулась. Как ты была простодушна! Скажи ты ему, что тебя, как звериную самку, покрывали волк и вепрь, он бы сдался и сам обратился в зверя.

КИРКА Я сказала ему. Он только слегка скривил губы. А немного погодя промолвил: "Лишь бы только это не были мои товарищи".

ЛЕВКОФЕЯ Выходит, он был ещё и ревнив.

КИРКА Нет, не ревнив. Он ими дорожил. Он всё понимал. Кроме нашей улыбки, улыбки богов. В тот день, когда он плакал на моём ложе, он плакал не от страха, а оттого что последнее путешествие было ниспослано ему роком, оно было чем-то заранее известным. "Зачем же тогда плыть?" — спросил он, повязывая меч и направляясь к морю. Я принесла ему чёрного ягнёнка, и, пока его товарищи плакали, он посмотрел на чаек, пролетающих над крышей, и сказал: "Они тоже улетают. Но они не знают, что делают. А ты знаешь, госпожа".

ЛЕВКОФЕЯ И больше не сказал ничего?

КИРКА Больше ничего.

ЛЕВКОФЕЯ Почему ты не убила его, Кирка?

КИРКА Ах, я и вправду глупая. Иногда я забываю, что мы всё знаем. И тогда радуюсь, как маленькая девочка. Как будто всё это случается только со взрослыми, с Олимпийцами, случается вот так, неумолимо, но бессмысленно и неожиданно. Думаешь, будто не можешь предвидеть чего-либо, а оказывается, ты это уже предвидела и всегда знала, что сделаешь и что скажешь, и вот — всё, что делаешь и говоришь, становится каждый раз новым, удивительным, как игра, как та игра в шахматы, которой меня научил Одиссей: сплошные правила и законы, а всё же до чего красивы и непредсказуемы эти фигурки из слоновой кости! Он всегда говорил мне, что эта игра и есть жизнь. Он говорил, что так можно победить время.

ЛЕВКОФЕЯ Ты слишком многое помнишь о нём. Ты не превратила его ни в вепря, ни в волка, зато сделала из него воспоминание.

КИРКА В смертном человеке, Левко́, это единственное, что бессмертно. Воспоминание, которое человек носит в себе, и воспоминание, которое оставляет. Вот что такое имена и слова. Перед воспоминанием, смирившись, улыбаются даже смертные.

ЛЕВКОФЕЯ Ты ведь тоже говоришь словами, Кирка.

КИРКА Я знаю свою судьбу, Левко́. Не бойся.

БЫК

Всем известно, что Тесей, возвращаясь с Крита, притворился, будто забыл про чёрные паруса — знак скорби — на мачте своего корабля; его отец, сочтя сына погибшим, бросился в море и оставил Тесею царство. Это очень по-гречески — точно так же как и питать отвращение ко всякому мистическому культу чудовищ.

(Разговаривают Лелег и Тесей.)

ЛЕЛЕГ Вон за тем холмом — наш дом, господин.

ТЕСЕЙ Нет такой заморской земли, которую в лучах сумерек не примешь за родные холмы.

ЛЕЛЕГ Однажды, глядя, как солнце садится за гору Ида, мы тоже подняли чаши.

ТЕСЕЙ Прекрасно возвращаться и прекрасно уезжать, Лелег. Выпьем ещё. Выпьем за прошлое. Прекрасно всё, что было оставлено и обретено вновь.

ЛЕЛЕГ Пока мы были на острове, ты не говорил о родине. Не вспоминал о том, как много мы там оставили. Ты тоже жил одним днём. И я видел, что ты покидал ту землю точно так же, как покидал дом, не оглядываясь. А нынче вечером ты вспоминаешь о прошлом?

ТЕСЕЙ Мы ведь живы, Лелег, перед нами — вино, а вокруг — родное море. В такой вечер вспомнишь о многом — тем более что завтра нам может не хватить вина и моря, чтобы обрести покой.

ЛЕЛЕГ Чего ты боишься? Будто сам не веришь в собственное возвращение. Почему не отдаёшь приказ спустить чёрные паруса и облечь корабль в белое? Ты обещал это своему отцу.

ТЕСЕЙ У нас ещё будет время, Лелег. Завтра. Мне нравится слушать, как над головой трещат те самые паруса, под которыми мы шли навстречу опасностям и не знали, вернёмся ли назад.

ЛЕЛЕГ Но ты ведь знал, Тесей?

ТЕСЕЙ Более или менее... Моя секира меня не подводит.

ЛЕЛЕГ Ты говоришь так, словно сомневаешься.

ТЕСЕЙ Я не сомневаюсь. Я думаю о тех людях, которых не знал, об огромной горе и о том, чем были мы на острове. Я думаю о последних днях во дворце, в этом жилище, сплошь состоящем из площадей, где воины звали меня царь-быком, помнишь? На этом острове становишься тем, кого убиваешь. Я уже начал их понимать. Потом они рассказали нам, что в лесах Иды есть пещеры богов, где боги рождаются и умирают. Понимаешь, Лелег? На этом острове убивают богов, точно зверей. И тот, кто их убивает, сам становится богом. Тогда и мы попытались подняться на Иду...

ЛЕЛЕГ Вдали от дома человеку не занимать храбрости.

ТЕСЕЙ И они рассказывали нам невероятное. Их женщины, эти высокие белокурые женщины, что по утрам лежат под солнцем на террасах дворца, ночью ходят на склоны Иды и там совокупаются с деревьями и зверями. А порой и остаются там навсегда.

ЛЕЛЕГ На этом острове храбры только женщины. Ты знаешь это, Тесей.

ТЕСЕЙ Я знаю только одно. Я предпочитаю женщин, которые сидят за кроснами.

ЛЕЛЕГ Да ведь на острове не выделывают тканей. Они всё покупают за морем. И чем же, по-твоему, заняться женщинам?

ТЕСЕЙ Во всяком случае не думать о богах, созревая под солнцем. Не искать божественного в деревьях и в море. Не гоняться за быками. Поначалу я думал, что во всём виноваты их отцы, эти хитроумные торговцы, которые одеваются как женщины и развлекаются, глядя, как юноши объезжают быков. Но дело не в этом, не только в этом. У них другая кровь. Было время, когда на Иде обитали только богини. Только одна богиня. Она была солнцем, деревьями, морем. Пред её лицом обращались в ничто и боги, и люди. Когда женщина бросает мужчину, чтобы отдаться солнцу и зверю, мужчина в этом не виноват. Это гнилая кровь, это хаос.

ЛЕЛЕГ Лишь ты можешь судить об этом. Ты говоришь о чужестранке?

ТЕСЕЙ И о ней тоже.

ЛЕЛЕГ Ты господин, и все твои поступки в наших глазах справедливы. Однако нам казалось, что она была кроткой и податливой.

ТЕСЕЙ Слишком податливой, Лелег. Такой же податливой, как трава или море. Смотришь на неё и понимаешь: она уступает, даже не чуя тебя. Как луга на склонах Иды, где идёшь, держа секиру наготове, и внезапно тебя начинает душить тишина и приходится остановиться. Слышишь тяжёлое дыхание, будто поблизости притаился зверь. Будто само солнце, сам воздух поджидают тебя в засаде. С великой Богиней не борются. Нельзя бороться с землёй, с её молчанием.

ЛЕЛЕГ Всё это мне тоже знакомо. Но чужестранка помогла тебе выбраться из могилы. Чужестранка оставила свой дом. Такое не может случиться между живой и гнилой кровью. Последовав за тобой, чужестранка оставила своих богов.

ТЕСЕЙ Но боги её не оставили.

ЛЕЛЕГ Ты ведь говорил, что на Иде их убивают.

ТЕСЕЙ И убийца становится новым богом. О Лелег, можно убивать богов и быков в пещерах, но того бога, что у тебя в крови, убить нельзя. Ариадна тоже была кровь от крови этого острова. Я познал её так же, как познал быка.

ЛЕЛЕГ Ты был жесток, Тесей. Каково было ей, несчастной, проснуться наутро?

ТЕСЕЙ О, я знаю. Скорее всего, она зарычала. Но это не важно. А может, стала призывать родину, дом, своих богов. У неё по-прежнему есть земля и солнце. Мы, чужеземцы, для неё теперь ничто.

ЛЕЛЕГ Она была прекрасна, господин, она была сделана из земли и солнца.

ТЕСЕЙ А мы всего лишь люди. Я уверен, что ей в утешение был послан бог — какой-нибудь нежный, двойственный, печальный бог, из тех, которые уже изведали вкус крови и которых нянчит на руках великая Богиня. Кто он — дерево, конь, баран? а может, озеро или туча? В их тамошнем море чего только не бывает.

ЛЕЛЕГ Уже в который раз ты говоришь, как мальчишка, играющий в игры. Ты господин, и мы тебе повинuemся. А то вдруг

сделаешься старым и жестоким. Как будто остров оставил в тебе частицу себя.

ТЕСЕЙ Может статься, так и есть. Кого убиваешь — тем и становишься, Лелег. Ты забыл, что мы возвращаемся издалека.

ЛЕЛЕГ Неужто и домашнее вино тебя не бодрит?

ТЕСЕЙ Мы ещё не добрались до дома.

В СЕМЬЕ

Всем известны горестные события, омрачившие жизнь дома Атридов. Достаточно вспомнить только некоторые истории происхождения. Тантал родил Пелопа; Пелоп — Фиеста и Атрея; Атрей — Менелая и Агамемнона; последний — Ореста, убившего собственную мать. В том, что в этой семье особо почитали Артемиду, аркадскую морскую богиню (взять, к примеру, случай с Ифигенией, которую пытался принести в жертву её отец), пишущий эти строки убеждён уже давно.

(Разговаривают Кастор и Полидевк.)

КАСТОР Помнишь, Поли, как мы вырвали её из рук Тесея?

ПОЛИДЕВК Оно того стоило...

КАСТОР Тогда она была ещё совсем девочкой; помню, мы мчались сквозь ночь, и я думал о том, сколько страху, должно быть, натерпелась она там, в лесу, на Тесеевом коне, слыша, как мы их преследуем... Мы были так простодушны.

ПОЛИДЕВК Теперь она защищена гораздо лучше.

КАСТОР Теперь за неё стоят все фригийцы и дарданы. Она отгородилась от нас морем.

ПОЛИДЕВК Переплывём и море.

КАСТОР Я уже сыт по горло, Полидевк. Это больше нас не касается. Отныне это дело Атридов.

ПОЛИДЕВК Переплывём море.

КАСТОР Да подумай же, Поли. Какой в этом прок? Не будь ребёнком. Оставь это Атридам — пускай они сами позаботятся о будущем.

ПОЛИДЕВК Но она ведь наша сестра.

КАСТОР Нам следовало знать, что в Спарте она не останется. Не из тех она женщин, которых можно запереть во дворце.

ПОЛИДЕВК Чего же она хочет, Кастор?

КАСТОР Ничего не хочет. В том-то и дело. Как была девчонкой, так и осталась. Неспособна принять всерьёз ни брак, ни домашний очаг. Но бегать за нею ни к чему. Вот увидишь, однажды она сама к нам вернётся.

ПОЛИДЕВК Кто знает, что сотворят Атриды, чтобы отомстить за пролитую кровь. Эти люди не стерпят обиду. В делах чести они подобны богам.

КАСТОР Оставь богов в покое. В этом роду в былые времена пожирали друг друга. Начиная с Тантала, который подал к столу собственного сына...

ПОЛИДЕВК Значит, всё, что рассказывают, правда?

КАСТОР Каковы люди, таковы и рассказы. Люди, которые живут в крепостях Микен и Спарты и носят маски из золота; хозяева моря, которые видят его только сквозь щели бойниц, — такие люди способны на всё. Ты никогда не задумывался, Полидевк, отчего их женщины — и наша сестра тоже — рано или поздно звереют и впадают в бешенство, проливают кровь и заставляют это делать других? Даже лучшие из них не выдерживают. Не было ещё ни одного Пелопида — ни единого! — которому собственная жена закрыла бы глаза после смерти. Если это значит быть подобным богам в делах чести...

ПОЛИДЕВК Другая наша сестрёнка, Клитемнестра, этому противится.

КАСТОР Рано радоваться: хорошо то, что кончается хорошо.

ПОЛИДЕВК Ежели ты всё это знал, как мог ты дать согласие на эти браки?

КАСТОР Я не давал согласия. Такое случается без нас. Каждый находит себе ту жену, которой заслуживает.

ПОЛИДЕВК Что ты хочешь этим сказать? что они и их женщины друг друга стоят? что наша сестра сама виновата?

КАСТОР Брось, Полидевк. Никто ведь нас не слышит. Совершенно ясно, что Атриды и их предки всегда брали в жёны одну и ту же женщину. Быть может, мы, братья Елены, плохо её знаем. Так что понадобился Тесей, чтобы мы кое-что поняли. Потом был Атрид. Ныне — Парис-фригиец. Вот я и спрашиваю: могло ли всё это оказаться случайностью? Отчего ей всегда попадаются одинаковые? Должно быть, она создана для них, так же как и они для неё.

ПОЛИДЕВК Да ты безумец.

КАСТОР Какое уж тут безумство! Коли Пелопиды теряют голову — а у иных она и с плеч падает — это их забота. Это

племя морских царей, которые не выходят из дворцов и любят повелевать с высоты. Может, когда-то они и видели мир. Тантал, первый из них, уж точно видел. Но потом они стали жить взаперти со своими женщинами, утопая в золоте, подозрительные и недовольные, неспособные совершить достойный поступок, — жирные чревоугодники, что кормятся дарами моря на бедной земле. Разве удивительно, что они искали какую-нибудь силу, почти дикую, чтобы с нею запереться на своей горе? И всегда находили.

ПОЛИДЕВК Я не понимаю, при чём тут наша сестра и почему ты говоришь, будто она была создана для Париса и Тесея.

КАСТОР Для них или для кого-то ещё, Поли, какая разница? Речь идёт о судьбе дома Атридов. Ни старая Гипподамия, ни прочие их снохи не виноваты в том, что похожи друг на друга, как стадо кобылиц. Вот и выходит, что веками в этой семье один и тот же мужчина искал одну и ту же женщину. И находил. Всем этим женщинам — от Гипподамии, дочери Эномая, до наших сестёр — приходилось бороться и защищаться. Вот что нравится Пелопидам. Может, они и сами того не знают, но это им нравится. Они хитры и кровожадны. Разжиревшие тираны. Им нужна женщина, способная их высечь.

ПОЛИДЕВК Ты всё говоришь: Гипподамия, Гипподамия... Я и сам знаю, что Гипподамия управлялась с конями хлыстом. Но наши сёстры тут ни при чём. У Елены детская ручка, которая никогда не держала плети. Как ты можешь говорить, будто они похожи?

КАСТОР Мы с тобой, Полидевк, плохо разбираемся в женщинах. Мы выросли с нею вместе. Для нас она остаётся девочкой, которая когда-то играла в мяч. Но для того чтобы почувствовать себя дикой и прийти в бешенство, необязательно хлестать коней. Достаточно полюбиться кому-то вроде Менелая, какому-нибудь морскому царю.

ПОЛИДЕВК А что же сделала ужасного Гипподамия?

КАСТОР Обращалась с людьми так же, как с лошадьми. Уговорила возницу убить её отца. Потом заставила Пелопа убить возницу. Потом родила на свет двух братьев-убийц. Пустила целую реку крови. Вот уж кто не знал, что такое бегство!

ПОЛИДЕВК Но разве не говорил ты, что во всём виноват Пелоп?

КАСТОР Я говорил, что Пелопу и всем его отпрыскам нравились похожие женщины. Созданные для них.

ПОЛИДЕВК Елена не убивает и не заставляет убивать.

КАСТОР Уверен ли ты в этом, брат? Вспомни, что было, когда мы отобрали её у Тесея, — как три лошади мчались через лес. Мы избежали гибели только потому, что были мальчишками и всё это казалось нам игрой. А теперь ты и сам спрашиваешь, сколько ещё крови прольют Атриды.

ПОЛИДЕВК Но она ведь никого не подстрекает...

КАСТОР А ты думаешь, Гипподамия подстрекала того возницу? Она всего-навсего улыбнулась своему слуге и сказала, что её возжелал собственный отец. Она даже не сказала, что была против... Чтобы убить, довольно и взгляда. А после, когда Миртил понял, что сын Тантала его провёл, то захотел раскрыть правду — и тогда Гипподамии нужно было всего лишь сказать мужу: "Он всё знает про Эномая. Будь начеку". Пелопидам нравятся такие речи.

ПОЛИДЕВК Стало быть, все женщины убивают?

КАСТОР Не все. Есть и такие, что склоняют голову перед жизнью. Но крепость и в них пробуждает зверя. Пелопиды убивают и становятся жертвами. Им нужно либо высечь кого-то, либо чтобы высекли их.

ПОЛИДЕВК Наша сестра довольствовалась бегством.

КАСТОР Ты так думаешь, брат? Вспомни Аэропу, жену Атрея...

ПОЛИДЕВК Но Аэропа была утоплена в море.

КАСТОР Однако прежде подговорила своего любовника похитить сокровища. Вот ещё одна женщина, которую крепость свела с ума. Женщина, которая могла прожить всю жизнь, тихо предаваясь похоти и толстая рядом со своим любовником. Но любовником её был Фиест, а мужем — Атрей. Они выбрали её. И не оставили ей пути к спасению. Даже в ней они пробудили зверя. Пелопиды всегда жаждут бешенства.

ПОЛИДЕВК Ты хочешь сказать, что нашу сестру убьют за супружескую измену? что она тоже похотлива?

КАСТОР Если бы, Полидевк, если бы! Но похотливыми не становятся по желанию. Той, которая выходит замуж за

Атрида, не дано выбирать. Разве ты не понимаешь, брат, что для них похоть — это насилие, побои, кровь? С покорной и робкой женщиной они попросту не умеют обращаться. Им нужны холодные глаза, глаза убийцы, глаза, которые никогда не опускаются. Похожие на щели бойниц. Как у Гипподамии.

ПОЛИДЕВК У нашей сестры именно такой взгляд...

КАСТОР Им нужна жестокая девственница. Та, что ходит по горам. Таковы все женщины, которых они берут в жёны. Ради них они пожирают собственных сыновей и закалывают собственных дочерей...

ПОЛИДЕВК Но всё это уже в прошлом.

КАСТОР Всё это ещё будет, Полидевк.

АРГОНАВТЫ

Храм на Акрокоринфе, где служили иеродулы, упоминается у самого Пиндара. Что молодые убийцы чудовищ — включая афинянина Тесея — натерпелись горя от женщин, можно было бы догадаться, даже если бы на это единодушно не указывала традиция. Об одной из самых жестоких женщин, Медее — колдунье, ревнивице и детоубийце, — подробно и с жаром рассказывает Еврипид в своей знаменитой трагедии.

(Разговаривают Ясон и Мелита.)

ЯСОН Распахни занавесь, Мелита; я чувствую, как её раздувает ветер. В такое утро даже Ясон хочет видеть небо. Скажи, какое нынче море; скажи, что делается в гавани.

МЕЛИТА О царь Ясон, какой прекрасный отсюда вид! Пристань усеяна народом: отплывает какой-то корабль, скользя среди лодок. Вода такая чистая, что в ней целиком видно его перевернутое отражение. Только погляди на эти знамёна и цветочные венки! А сколько людей! Некоторые даже взобрались на статуи. Солнце слепит мне глаза.

ЯСОН Наверно, твои подружки тоже пришли на проводы. Ты видишь их, Мелита?

МЕЛИТА Не знаю, там целая толпа. И моряки — они держатся за канаты и машут нам, такие крошечные.

ЯСОН Помаши в ответ, Мелита. Должно быть, это корабль с Кипра. Они поплывут к твоим островам. И когда станут говорить о славе Коринфа и здешнего храма, расскажут и о тебе.

МЕЛИТА Что же, по-твоему, они расскажут обо мне, господин? Думаешь, на островах меня кто-то помнит?

ЯСОН Молодых всегда помнят. О тех, кто молод, хочется думать снова и снова. А боги — разве они не молоды? Вот почему все мы их помним и завидуем им.

МЕЛИТА Мы служим им, царь Ясон. И я тоже служу богине.

ЯСОН Всегда найдётся кто-то, Мелита, чужестранец или моряк, который поднимется в храм, чтобы возлечь именно с тобой, а не с другими. Тот, кто оставит часть приношения только тебе. Я стар, Мелита, и не могу туда подняться, но некогда в Иолке

— ты тогда ещё не родилась на свет — я бы взобрался выше любой горы, чтобы быть с тобой.

МЕЛИТА Ты повелеваешь, а мы повинемся... Ах, корабль поднимает паруса! Теперь он весь в белом. Подойди, взгляни, царь Ясон.

ЯСОН Останься лучше ты возле окна, Мелита. Я буду глядеть на тебя, пока ты глядишь на корабль. Как будто вы с ним вместе плывёте по ветру. От утреннего воздуха я продрогну. Я стар. И увидел бы слишком многое, поглядевши в окно.

МЕЛИТА Корабль наклонился под солнцем. Он парит, словно голубь!

ЯСОН Он просто правит путь на Кипр. Нынче корабли отплывают из Коринфа и с островов и бороздят море повсюду. А когда-то наше море было пустынно. Мы первые овладели им. Ты тогда ещё не родилась на свет. Как давно это было.

МЕЛИТА Это невероятно, господин; неужто никто не отваживался пересечь это море?

ЯСОН Вещам присуща девственность, Мелита, которая страшит больше, чем любая опасность. Подумай, какой ужас вселяют горные вершины, подумай об эхо.

МЕЛИТА В горы я не пойду ни за что. Но мне не верится, что кого-то могло испугать море.

ЯСОН Сказать по правде, оно и не пугало. Мы отплыли из Иолка таким же утром, как это; мы были молоды, и боги были на нашей стороне. Это так прекрасно — просто плыть, не думая о завтрашнем дне. Потом начались чудеса. Мир тогда был моложе, Мелита, дни были подобны ясным утрам, а ночами царил непроглядный мрак, — в таком мире могло произойти всё, что угодно. Чудеса являлись нам в разных обличьях: то источники, то чудовища, то люди, то скалы. Некоторые из нас бесследно исчезли, иные погибли. Каждый раз, причалив к берегу, мы кого-нибудь оплакивали. Каждое утро море было ещё прекраснее, ещё девственнее. Дни проходили в ожидании. Потом пришли дожди, туманы и чёрная пена.

МЕЛИТА Об этом всем известно.

ЯСОН Опасность заключалась не в море. Постепенно, от берега к берегу, мы поняли, что выросли на этом долгом пути. Мы стали сильнее, мы были от всего отрешены — словно боги,

Мелита, — но именно это и влекло нас к смертельным испытаниям. Мы высадились на берегу Фасиса, на колхидских шафранных лугах. Ах, я был тогда молод и глядел прямо в лицо судьбе.

МЕЛИТА Когда в храме мы говорим о вас, то понижаем голос.

ЯСОН А порой люди просто смеются, я это знаю, Мелита. Коринф — весёлый город. Я знаю, здесь говорят: "Когда же наконец этот старик прекратит болтать о своих богах? Они давно мертвы, как и все прочие". А Коринф хочет жить.

МЕЛИТА У нас говорят о колдунье, царь Ясон, о той женщине, которую некоторым довелось повстречать. Поведай мне о ней.

ЯСОН Всюду знают какую-нибудь колдунью, Мелита, кроме Коринфа, где в храме учат смеяться. Все мы, старые или молодые, встречали колдунью.

МЕЛИТА Но какой была твоя, царь Ясон?

ЯСОН Мы овладели морем, мы уничтожили чудовищ, мы ступили на шафранные луга, — в чаще леса лучилось золотое облако, — и однако же все погибли от колдовства, всех погубили чары или страсть колдуни. Одному из нас отрезали голову и бросили в реку. А другой — тот, что сделался стариком и говорит с тобой, — видел, как разъярённая мать принесла в жертву его собственных детей.

МЕЛИТА Говорят, будто она не умерла, господин, будто её чары победили смерть.

ЯСОН Такова её судьба, и я не завидую ей. Она дышала смертью и сеяла смерть вокруг. Быть может, она вернулась на родину.

МЕЛИТА Но как могла она тронуть своих детей? Должно быть, она неистово рыдала...

ЯСОН Я никогда не видел, чтобы она рыдала. Медея не плакала. И улыбнулась она тоже лишь однажды — в тот день, когда сказала, что уедет со мной.

МЕЛИТА Но ведь она действительно уехала с тобой, царь Ясон, оставила родные края и приняла свою участь. Ты был жесток, как все в молодости, даже ты.

ЯСОН Я был молод, Мелита. В те времена никто надо мной не смеялся. Но я ещё не знал, что настоящая мудрость — это ваша мудрость, храмовая, и просил у богини невозможного. А разве было на свете что-то невозможное для нас, убивших дракона, завладевших золотым облаком? Люди творят зло, чтобы сделаться великими, чтобы стать богами.

МЕЛИТА Но почему вашей жертвой всегда бывает женщина?

ЯСОН Малышка Мелита, ты принадлежишь храму. Разве не знаете вы, что в этот храм человек поднимается для того, чтобы стать богом хотя бы на день, хотя бы на час, чтобы возлечь с одной из вас, как если бы она была богиней? Он всегда воображает, будто спит с богиней, — а потом осознаёт, что это была только смертная плоть, бедная женщина, как и прочие, как все женщины. И тогда он приходит в бешенство — и пытается сделаться богом где-то ещё.

МЕЛИТА Однако же есть и такие, что остаются довольны, господин.

ЯСОН Да, те, кто прежде времени состарились и приходят туда ради вас. Но только когда уже испробовали всё остальное. Когда повидали другие дни. Слыхала ли ты о сыне Эгея, спустившемся в Аид, чтобы похитить Персефону, — о сыне того афинского царя, который погиб, кинувшись в море?

МЕЛИТА О нём говорят те, кто приезжает из Фалерона. Он тоже был мореходом, как и ты.

ЯСОН Малышка Мелита, он был подобен богу. Он нашёл свою женщину за морем, женщину, которая, как моя колдунья, помогла ему избежать смертельной опасности. Однажды утром он покинул её на острове. Потом он совершил другие подвиги и завоевал другие земли, овладел лунной Антиопой, непокорной амазонкой. А после была Федра, свет денницы, и она тоже покончила с жизнью. А после — Елена, дочь Леды. Были и другие. В конце концов он попытался вырвать Персефону из пасти Аида. Только одной женщины он никогда не желал — той что бежала из Коринфа, убийцы собственных детей, колдуньи. Ты это знаешь.

МЕЛИТА Но ты ведь помнишь её, господин. Ты добрее, чем тот царь. С тех пор ты никого не заставил плакать.

ЯСОН В Коринфе я научился не быть богом. И встретил тебя, Мелита.

МЕЛИТА О Ясон, кто же я?

ЯСОН Маленькая женщина, рождённая морем, которая спускается из храма, когда её зовёт старик. И ты тоже — богиня.

МЕЛИТА Я служу ей.

ЯСОН На западном острове, который носит твоё имя, у богини есть великое святилище. Ты знаешь об этом?

МЕЛИТА Это ничтожное имя, господин, мне его дали в шутку. Иногда я думаю о прекрасных именах этих колдуний, этих несчастных женщин, которые плакали из-за вас...

ЯСОН Мегара Иола Авга Ипполита Омфала Деянира... А знаешь ли ты, кого они заставили плакать?

МЕЛИТА Ах, но ведь то был бог. И ныне он живёт среди богов.

ЯСОН Так рассказывают. Бедный Геракл. Он тоже был с нами. Я ему не завидую.

ВИНОГРАДНИК

Ариадна, брошенная Тесеем после приключения в лабиринте, попала на острове Наксос в объятия Диониса, возвращавшегося из Индии, и обрела бессмертие в небесах, среди созвездий.

(Разговаривают Левкофея и Ариадна.)

ЛЕВКОФЕЯ Долго ты ещё будешь плакать, Ариадна?

АРИАДНА Ах, а ты откуда взялась?

ЛЕВКОФЕЯ Из моря, как и ты. Ну что, перестала плакать?

АРИАДНА Теперь я не одна.

ЛЕВКОФЕЯ Я думала, что вы, смертные женщины, плачете, только если есть кому вас послушать.

АРИАДНА Что-то больно злая ты для нимфы.

ЛЕВКОФЕЯ Значит, он тоже уехал? Как думаешь, почему он покинул тебя?

АРИАДНА Ты ещё не сказала мне, кто ты такая.

ЛЕВКОФЕЯ Женщина, которая сделала то, чего не сделала ты. Я попыталась утопиться в море. Тогда меня звали Ино. Меня спасла одна богиня. Теперь я — нимфа этого острова.

АРИАДНА Что тебе от меня нужно?

ЛЕВКОФЕЯ Если ты так со мной разговариваешь, то сама знаешь. Я пришла сказать, что твой ненаглядный с лиловыми кудрями и сладким голосом уплыл навек. Он бросил тебя. Чёрный парус, исчезнувший за горизонтом, останется твоим последним воспоминанием. Так что хоть кричи, хоть бейся в судорогах — всё кончено.

АРИАДНА Тебя тоже кто-то бросил, коль скоро ты хотела покончить с собой?

ЛЕВКОФЕЯ Речь не обо мне. Впрочем, ты не заслуживаешь этой беседы. Ты глупа и упряма.

АРИАДНА Послушай, морская нимфа, я не знаю, что тебе за дело до меня. Ты говоришь либо слишком мало, либо слишком много. Если я захочу убить себя, то справлюсь сама.

ЛЕВКОФЕЯ Поверь мне, дурочка. Твоё горе — ничто.

АРИАДНА И ты пришла, чтобы сказать мне об этом?

ЛЕВКОФЕЯ Как думаешь, почему он тебя покинул?

АРИАДНА О нимфа, прекрати...

ЛЕВКОФЕЯ Ладно, давай, плачь. Так, по крайней мере, будет легче. Говорить с тобою без толку. Только так уйдут и глупость, и гордость. Только так ты поймёшь, чего стоит твоё горе. Но пока твоё сердце не разорвётся, пока не заскулишь, точно сука, пока не захочешь, чтобы море потушило тебя, как пылающую головню, — до тех пор не узнаешь, что такое горе.

АРИАДНА Моё сердце... оно уже разорвалось...

ЛЕВКОФЕЯ Просто плачь, ничего не говори... Ты ничего не знаешь. Тебя ждёт иное.

АРИАДНА Как же всё-таки тебя зовут, нимфа?

ЛЕВКОФЕЯ Левкофея. Пойми, Ариадна. Чёрный парус исчез навсегда. Эта история закончилась.

АРИАДНА Закончилась моя жизнь.

ЛЕВКОФЕЯ Тебя ждёт иное. Какая же ты глупая. Разве не почитала ты никакого бога у себя на родине?

АРИАДНА Какой бог может повернуть корабль назад, ко мне?

ЛЕВКОФЕЯ Я спрашиваю, какого бога ты знала.

АРИАДНА В моём краю есть гора, которая наводила ужас даже на тех, кто приплыл на этом корабле. Там рождаются великие боги. Им и поклоняемся. Я уже призывала их всех, да ни один не пришёл на помощь. Что же делать, скажи?

ЛЕВКОФЕЯ Чего ждёшь ты от богов?

АРИАДНА Больше ничего.

ЛЕВКОФЕЯ Тогда слушай. Один из них приближается.

АРИАДНА Что это значит?

ЛЕВКОФЕЯ Если я говорю с тобой, это значит, что один из них приближается.

АРИАДНА Ты всего лишь нимфа.

ЛЕВКОФЕЯ Бывает, что нимфа возвещает пришествие великого бога.

АРИАДНА Но кто же это, Левкофея, кто?

ЛЕВКОФЕЯ Ты думаешь о боге или о своём красавце?

АРИАДНА Не знаю. Что ты такое говоришь? Перед богами я падаю ниц.

ЛЕВКОФЕЯ Стало быть, ты поняла. Это новый бог. Самый молодой среди богов. Он увидел тебя, и ты ему полюбилась. Его зовут Дионисом.

АРИАДНА Я не знаю его.

ЛЕВКОФЕЯ Он родился в Фивах и странствует по свету. Это бог радости. Повсюду люди идут за ним и прославляют его.

АРИАДНА Он могуч?

ЛЕВКОФЕЯ Он убивает смеясь. Его сопровождают быки и тигры. Его жизнь — это праздник, и ты ему полюбилась.

АРИАДНА Но когда он видел меня?

ЛЕВКОФЕЯ Кто знает? Бывала ли ты когда-нибудь в винограднике на склоне холма, что тянется вдоль моря, в тот медленный час, когда земля отдаёт свой аромат? Терпкий и вязкий аромат, нечто между запахом смоковницы и сосны? Когда созревает виноград и воздух пьянеет от сусла? Или, может, ты видела, как цветёт и плодоносит гранат? Вот где царит Дионис; он и в прохладе плюща, и в сосновых рощах, и на гумнах.

АРИАДНА Разве нет на свете такого одинокого места, где бы нас не видели боги?

ЛЕВКОФЕЯ Дорогая моя, но ведь боги — это и есть место, это одиночество, это ход времени. Придёт Дионис, и ты почувствуешь, будто тебя унёс могучий порыв ветра, подобный тем вихрям, что проносятся над гумнами и виноградниками.

АРИАДНА Когда он придёт?

ЛЕВКОФЕЯ Дорогая, я возвещаю его пришествие. Потому-то и уплыл корабль.

АРИАДНА А тебе кто поведал об этом?

ЛЕВКОФЕЯ Я родом из Фив, Ариадна. Я сестра его матери.

АРИАДНА В моей стране рассказывают, что боги рождаются на горе Ида. Ни один смертный не поднимался по ней выше последней черты лесов. Мы боимся даже тени, которую отбрасывает гора. Как могу я принять то, что ты говоришь?

ЛЕВКОФЕЯ Ты уже отважилась на многое, малышка. Разве не был для тебя богом твой лиловокудрый?

АРИАДНА Я спасла ему жизнь, этому богу. И что получила от него?

ЛЕВКОФЕЯ Многое. Ты дрожала и страдала. Ты помышляла о смерти. Ты узнала, что такое пробуждение. Теперь ты одна — и ждёшь бога.

АРИАДНА А какой он? жестокий?

ЛЕВКОФЕЯ Все боги жестоки. Что это значит? Всё божественное жестоко. Оно сокрушает всё, что бrenно, всё, что сопротивляется. Чтобы проснуться по-настоящему, ты должна отдаться сну. Ни один бог не умеет ни о чём сожалеть.

АРИАДНА А этот твой... фиванский бог... говоришь, он убивает смеясь?

ЛЕВКОФЕЯ Тех, кто ему сопротивляется. Их он уничтожает. Однако он не более безжалостен, чем остальные. Улыбаться для него — всё равно что дышать.

АРИАДНА Тогда он ничем не отличается от смертного.

ЛЕВКОФЕЯ Это тоже пробуждение, девочка. Это будет всё равно что любить озеро, водный поток или время суток. Ни один мужчина этого не стоит. Боги существуют до тех пор, пока существует то, что их создаёт. Доколе козы будут резвиться среди сосен и виноградников, этот бог будет мил тебе, а ты — ему.

АРИАДНА Я умру, как все козы.

ЛЕВКОФЕЯ Над виноградниками по ночам светят звёзды. Тот, кто ждёт тебя, — ночной бог. Не бойся.

ЛЮДИ

О Кратосе и Бии — Силе и Мощи — Гесиод говорит, что "нет у них дома отдельно от Зевса"³: так бог наградил их за помощь, которую они оказали ему в борьбе против Титанов. Всем известно о том, как Зевс спускался на землю, и о его многочисленных похождениях.

(Разговаривают Кратос и Бия.)

КРАТОС Он отправился странствовать среди людей. Ходит по долинам, иногда задержится в винограднике или на морском берегу. Случается, дойдёт и до городских ворот. По нему даже не скажешь, что перед тобой сам Отец и Владыка. Вот я и спрашиваю себя: чего же он хочет, чего ищет? И это после того, как мы столько боролись, чтобы отдать весь мир — поля, горные вершины и облака — в его руки. Сидел бы себе здесь, наверху, и ни о чём не беспокоился. Так нет же. Странствует.

БИЯ А что в этом странного? На то он и господин: что хочет, то и делает.

КРАТОС Вдали от горы и от нас, понимаешь? А ведь это нам, своим слугам, он обязан тем, что стал господином. Разве мало, что мир его боится и чтит? Какое дело ему до этих людишек?

БИЯ Они тоже часть мира, дорогой мой.

КРАТОС Не знаю, нынче всё не так, как было прежде. Недаром наша мать говорила: "Он придёт как буря, и круговорот времён изменится". Этот сын Горы, повелевающий одним мановением руки, не таков, как прежние владыки — Ночь, Земля, старик Уран или Хаос. Мир как будто разделился. Когда-то сами вещи были событиями. Всё свершалось в свой черёд, и жизнь была единым целым. А теперь есть закон и разум. Зевс сделался бессмертным, и мы, его слуги, вместе с ним. Даже людишки — и те думают о нас, ибо знают, что должны умереть, и обращают к нам взоры. Могу их понять: ради этого мы и боролись с Титанами. Но что он, владыка небес, обещавший нам на вершине эти дары, покинул Гору и отправился развлекаться среди людей, став таким же, как они, — это мне не нравится. А тебе, сестра?

³ Гесиод, «Теогония», 386, пер. В.В. Вересаева.

БИЯ Он не был бы владыкой, если бы не мог нарушить закон, который сам сотворил. Но действительно ли он его нарушает?

КРАТОС Как бы там ни было, я его не понимаю. Когда мы бились в горах, он улыбался так, будто уже победил. Он сражался одними знаками, одними краткими словами. Он никогда не показывал, что возмущён; противник был уже повержен, а он всё улыбался. Вот как он сокрушил и Титанов, и людей. Тогда Владыка нравился мне: в нём не было сострадания. И точно так же Зевс улыбался в другой раз — когда захотел даровать людям женщину, Пандору, чтобы наказать их за кражу огня. Как может он теперь находить удовольствие в виноградниках и городах?

БИЯ Быть может, эта женщина, Пандора, принесла не только несчастья. Отчего, по-твоему, не может Зевс наслаждаться ею, коль скоро она была его собственным даром?

КРАТОС Да знаешь ли ты, что такое люди? Жалкие создания, обречённые на смерть; более жалкие, чем черви или прошлогодние листья, которые умирают, сами того не зная. А люди знают, и говорят об этом, и без конца призывают нас, желая хоть на миг удостоиться нашего благосклонного взгляда, и зажигают костры из того самого огня, который похитили и унесли в полый тростинке. И с помощью этих своих женщин, этих жертвоприношений, этих песен и красивых речей они добились того, что иные из нас, бессмертных, спускаются к ним, благоволят им и рожают с ними потомство. Понимаешь, какой здесь расчёт, какое наглое и жалкое коварство? Теперь видишь, отчего я так взбешён?

БИЯ Наша мать говорила и сам ты говоришь, что мир изменился. Владыка гор уже не впервые спускается к людям. Может, ты забыл, что некогда он жил изгнанником на острове, умер там и был погребён, как случилось в ту пору даже с богами?

КРАТОС Это всем известно.

БИЯ Но из этого не следует, что он утратил силу. Кто её утратил, так это владыки Хаоса, что правили в те времена, когда не было закона. Вначале и люди, и звери, и даже камни были богами. Всё на свете случилось без имени и закона. Надо было, чтобы бог отправился в изгнание, познал великое нечестие в

заточении, в мире людей, когда был ещё младенцем и сосал козье вымя; чтобы рос на горе, в лесных чащобах; понадобились человеческие слова и законы, боль, смерть и скорбь, чтобы сын Крона превратился в праведного Судию, в бессмертный и беспокойный Разум. Думаешь, это ты помог ему сокрушить Титанов? Да ты ведь сам сказал: он сражался так, будто уже победил. Заново родившийся младенец сделался владыкой среди людей.

КРАТОС Пусть так. Закон стоил того, чтобы за него побороться. Но почему теперь, став царём над нами, он снова возвращается туда?

БИЯ Брат, брат, как же ты не поймёшь, что мир, утратив божественность, обрёл вечную новизну и вечное богатство — оттого-то он и манит всех, кто спускается туда с Горы! Речь людей, которые знают, что страдают, которые надрываются в трудах и владеют землёй, — эта речь открывает слушателю чудеса. Молодые боги, пришедшие на смену владыкам Хаоса, — все они спускаются на землю и странствуют среди людей. И если кто-то из богов ещё хранит любовь к горным вершинам, пещерам, диким небесам, то лишь потому, что люди проникли даже туда и голос их любовно нарушает тишину тамошних мест.

КРАТОС Если бы сын Крона просто проходил мимо! Если бы он только слушал и карал согласно закону! Но как может он наслаждаться ими и даровать им наслаждение, как может похищать женщин и сыновей у этих смертных?

БИЯ Если бы ты знал их, то понял бы это. Они жалкие черви, но всё в их жизни непредсказуемо, всё приносит открытие. Мы знаем, что такое зверь и что такое бог, — но никому, даже нам, не дано постичь глубины этих сердец. Некоторые из них отваживаются даже противостоять судьбе. Только живя с ними и ради них, можно насладиться вкусом мира.

КРАТОС О, вкусом женщин, этих дочерей Пандоры, этих бестий?

БИЯ Женщина или бестия, разницы нет. О чём ты? Это самый сочный плод смертной жизни.

КРАТОС Но как приходит к ним Зевс — как зверь или как бог?

БИЯ Глупец! Он приходит к ним как человек. В этом всё дело.

ТАИНСТВО

Что элевсинские мистерии представляли для посвящённых божественную модель бессмертия в образах Диониса и Деметры (а также Керы и Плутона) — об этом любят послушать все. Гораздо меньше любят вспоминать о том, что Деметра — это колос, хлеб, а Дионис — виноград, вино. "Возьмите и ешьте..."

(Разговаривают Дионис и Деметра.)

ДИОНИС Эти смертные такие забавные. Они делают то, что мы изначально знаем. Любопытно, каково было бы нам без них. Чем были бы мы, Олимпийцы. Они призывают нас своими голосками и дают нам имена.

ДЕМЕТРА Я существовала прежде них — и уверяю тебя, на свете жилось одиноко. Сплошные леса, змеи, черепахи. Мы были землёй, воздухом, водой. Что оставалось делать? Тогда-то и вошло у нас в привычку быть бессмертными.

ДИОНИС С людьми такого не случается.

ДЕМЕТРА Верно. Всё, чего касаются люди, становится временем. Становится действием. Ожиданием и надеждой. Даже смерть у них чем-то становится.

ДИОНИС Они умеют так назвать и себя, и вещи, и нас, что это обогащает жизнь. Как виноград, который они научились выращивать на этих холмах. Когда я принёс побег лозы в Элевсин, то и подумать не мог, что люди превратят каменистые тамошние склоны в столь сладостный край. Так же и с посевами, и с садами. Всюду, где льются их пот и речь, рождается ритм, смысл, покой.

ДЕМЕТРА А рассказы, которые они сочиняют про нас? Порою спрашиваю себя: неужто я и вправду Гея, Рея, Кибела, Великая Мать, как они говорят. Они умеют давать нам такие имена, в которых мы открываем самих себя, Иакх, похищают нас из тягостной вечности судьбы и живописуют в красках наши дни и те края, где мы обитаем.

ДИОНИС Для нас ты всегда будешь Део.

ДЕМЕТРА Кто бы мог вообразить, что в их жалком существовании столько богатства! Я для них — дикая гора, заросшая лесом, туча и пещера, владычица львов, посевов и

тельцов, крепостных стен, колыбели и могилы, мать Кору. Всем этим я обязана им.

ДИОНИС Обо мне они тоже говорят постоянно.

ДЕМЕТРА Так не должны ли мы, Иакх, помочь им немного больше, как-то отплатить им, быть ближе к ним в их краткой жизни?

ДИОНИС Ты дала им зерно, Део, а я — лозу. Довольно с них этого. Разве нужно что-либо ещё?

ДЕМЕТРА Не знаю отчего, но всё, что они получают из наших рук, становится двусмысленным. Это всегда палка о двух концах. Тот скиф, которому мой Триптолем принёс пшеницу, чуть было его не зарезал. И даже ты, как я слыхала, заставляешь их проливать невинную кровь.

ДИОНИС Они не были бы людьми, если бы не были несчастны. Их жизнь обречена на смерть. Всё их богатство — это смерть, она заставляет их трудиться, помнить и предвидеть. И не надо думать, Део, будто их кровь чем-то лучше зерна и вина, которыми мы их питаем. Кровь мерзка, убога, дурна.

ДЕМЕТРА Ты молод, Иакх, и не знаешь, что именно в крови люди и нашли нас. Ты беспрестанно кружишь по свету, и для тебя смерть — это вино, приносящее блаженство. Но ты забываешь об одном: всё, что смертные о нас рассказывают, они выстрадали. Сколько смертных матерей безвозвратно потеряло свою Кору! И поныне самое щедрое приношение, которое они знают, — это кровь.

ДИОНИС Разве это приношение, Део? Тебе ведь известно лучше, нежели мне, что, убивая жертву, они верили, будто убивают нас.

ДЕМЕТРА И ты можешь винить их в этом? Потому я и говорю, что они обрели нас в крови. Если для них смерть — это конец и начало, то люди должны были убивать нас, дабы увидеть, как мы воскресаем. Они и в самом деле очень несчастливы, Иакх.

ДИОНИС Ты думаешь? А мне кажется, они просто глупы. Впрочем, может быть, и нет. Они настолько смертны, что, убивая себя, придают смысл жизни. Все свои рассказы они должны прожить и в них умереть. Возьми хотя бы Икария...

ДЕМЕТРА Бедняжка Эригона...

ДИОНИС Да, но Икарий позволил себя убить потому, что хотел этого. Быть может, полагал, что его кровь — это вино. Он собирал виноград, давил его и сливал вино как безумный. Тогда люди впервые увидели, как на току пенится сусло. Они кропили им заборы, стены, лопаты. Даже Эригона окунула в него руки. А потом этого старого дурака зачем-то понесло в поле, угощать пастухов. Те захмелели, подумали, что он их отравил, и в бешенстве забили его у изгороди, точно козла, а после зарыли, чтобы взошёл новый урожай. Он знал это и хотел этого. А дочка его разве удивилась, после того как отведала того самого вина? Она тоже это знала. И что ей оставалось, дабы завершить рассказ, как не подвесить себя на солнцепёке, словно гроздь винограда? Нет тут ни малейшей печали. Смертные пишут свои повести кровью.

ДЕМЕТРА И ты полагаешь, эти рассказы нас достойны? Ты ведь сам задумывался о том, как мы жили бы без людей; ты знаешь, что в один прекрасный день мы, боги, можем им надоесть. Так что эта дурная кровь тебе вовсе не безразлична.

ДИОНИС Но что, по-твоему, мы должны им дать? Они ведь что угодно обратят в кровь.

ДЕМЕТРА Есть только один путь, и ты его знаешь.

ДИОНИС Какой же?

ДЕМЕТРА Придать смысл их смерти.

ДИОНИС Как это?

ДЕМЕТРА Научить их блаженной жизни.

ДИОНИС Но это значит играть с судьбой, Део. Они смертны.

ДЕМЕТРА Послушай. Придёт день, когда они сами до этого додумаются. И сделают это без нас, сочинив рассказ. Они станут рассказывать истории о людях, победивших смерть. Одного они уже вознесли на небо, а другой каждые полгода спускается в преисподнюю. Ещё один боролся со Смертью и вырвал у неё живое существо... Пойми, Иакх. Они обойдутся без нас. И тогда мы снова станем тем, чем были: воздухом, водой и землёй.

ДИОНИС От этого люди не будут жить дольше.

ДЕМЕТРА Глупый мальчишка, а ты как думал? Но смерть обретёт смысл. Они тоже будут умирать, чтобы воскреснуть, и перестанут нуждаться в нас.

ДИОНИС Что ты хочешь сделать, Део?

ДЕМЕТРА Внушить им, будто можно уподобиться нам по ту сторону страдания и смерти. Но мы сами должны сказать им об этом. Как зерно и лоза нисходят в Аид, чтобы родиться, так и для них — скажем мы — смерть есть новая жизнь. Даровать им этот рассказ, чтобы они последовали ему. Рассказать им о судьбе, которая переплетена с нашей.

ДИОНИС Они всё равно будут умирать.

ДЕМЕТРА Они будут умирать и побеждать смерть. Они увидят нечто по ту сторону крови, увидят нас с тобой. Они перестанут бояться смерти и не будут больше нуждаться в том, чтобы усмирять её, проливая чужую кровь.

ДИОНИС Это можно, Део, это можно. Рассказ о вечной жизни. Я почти завидую им. Они не будут знать судьбу и при этом будут бессмертны. Впрочем, не надейся, что кровопролитие прекратится.

ДЕМЕТРА Они будут думать лишь о вечном. Опасаюсь, правда, как бы не стали они пренебрегать этой плодородной землёй.

ДИОНИС Только поначалу. Но когда зерно и лоза приобретут смысл вечной жизни — знаешь, что увидят люди в хлебе и вине? Плоть и кровь, как ныне, как всегда. Они будут приносить в жертву плоть и кровь, но уже не для того чтобы усмирить смерть, а чтобы достигнуть ожидающей их вечности.

ДЕМЕТРА Можно подумать, ты видишь будущее. Откуда тебе знать?

ДИОНИС Достаточно видеть прошлое, Део. Поверь мне. Но я с тобой согласен. Это навсегда останется лишь рассказом.

ПОТОП

У греков потоп тоже был наказанием человечеству, потерявшему уважение к богам. Всем известно, что впоследствии земля вновь была заселена людьми и совершилось это посредством камнеметания.

(Разговаривают сатир и гамадриада.)

ГАМАДРИАДА Любопытно, что говорят смертные об этом ливне.

САТИР Что могут они знать о нём? Принимают как есть. Некоторые, пожалуй, надеются на более щедрый урожай.

ГАМАДРИАДА Реки уже вздулись и начали с корнями вырывать деревья. Крутом одна вода, а дождь всё хлещет.

САТИР Они укрылись в пещерах и горных хижинах. Слушают дождь. Думают о тех, кто борется с потопом в долинах, и утешаются надеждой.

ГАМАДРИАДА Утешаются — пока не кончилась ночь. Но когда наступит страшный рассвет и они увидят одно сплошное море до самого горизонта да малюсенькие горы, то уже не вернутся в пещеры. Они станут смотреть. Натянут на головы мешки и станут смотреть.

САТИР Ты путаешь их с дикими зверьми. Ни один смертный не умеет понять, что умирает, и глядеть в лицо смерти. Им надо бежать, думать, говорить. Разговаривать с теми, кто остался в живых.

ГАМАДРИАДА Только на этот раз не останется никого. Что они тогда будут делать?

САТИР Тут-то я их и жду. Когда люди поймут, что обречены, все до единого, то станут праздновать, вот увидишь. И наверняка придут к нам.

ГАМАДРИАДА А мы-то тут при чём?

САТИР А при том. Мы и есть праздник, мы для них — жизнь. Они будут искать у нас жизни до самого конца.

ГАМАДРИАДА Не понимаю, какую жизнь мы можем им дать. Ведь мы даже умереть не можем. Всё, что мы умеем, — это смотреть. Смотреть и знать. А люди, как ты говоришь, не умеют смотреть и смиряться. Что же им от нас нужно?

САТИР Много чего, моя козочка. Мы для них как дикие звери. Звери рождаются и умирают подобно листве. Смертные замечают, как мы исчезаем среди ветвей, и думают, будто мы некие божества; думают, что мы — это жизнь, которая скрывается и тайно длится в лесу, — такая же, как у них, только вечная, более полная. Говорю тебе, они придут к нам. Это станет их последней надеждой.

ГАМАДРИАДА В такой-то ливень? Но что они будут делать?

САТИР Разве тебе неведомо, что значит надежда? Они подумают, что лес, в котором мы обитаем, не может уйти под воду. Они скажут себе, что все люди на земле не могут исчезнуть — иначе какой смысл в том, что они родились на свет и узнали нас? Они поймут, что великие боги, Олимпийцы, хотят их смерти, а мы, вместе с ними, людьми, вместе со всеми зверушками, — это сама жизнь, сама земля, само настоящее. Каждая пора их жизни сводится к празднику, и эти праздники — мы.

ГАМАДРИАДА Как удобно. Им — надежда, нам — судьба. Но это глупо.

САТИР Не так уж глупо. Кое-что они спасут.

ГАМАДРИАДА Да, но кто разгневал великих богов? Кто сотворил такое бесчинство, что даже солнце закрыло свой лик? По-моему, они сами виноваты. Так поделом им.

САТИР Помилуй, козочка моя, да неужто ты в это веришь? А тебе не кажется, что если бы они и вправду надругались над жизнью, то самой жизни вполне хватило бы, чтобы их покарать, и не пришлось бы Олимпу вмешиваться с этим потоком? Ежели кто-то над чем-то надругался, то, поверь, это не они.

ГАМАДРИАДА Однако же умереть выпало им. Каково будет людям завтра, когда они поймут, что случилось?

САТИР Прислушайся к этому потоку, малышка. Завтра и мы окажемся под водой. Ты любишь глазеть — вот и посмотришься жути. Благо, что мы умереть не можем.

ГАМАДРИАДА Я порою сомневаюсь в этом. И спрашиваю себя: что значит — умереть. Единственное, чего нам по-настоящему недостаёт. Мы знаем всё — кроме такой простой

вещи. Хотелось бы мне попробовать — а потом, само собой, проснуться.

САТИР Только послушайте! Но ведь это и есть умереть: больше не знать, что ты мертва. Это и есть потоп: когда умирает столько, что не остаётся никого, кто бы об этом знал. Потому и случится так, что люди придут к нам, и попросят, чтобы мы их спасли, и захотят быть похожими на нас, на деревья, на камни — на всё то бесчувственное, что есть только судьба. И в этом они спасутся. Когда схлынут воды, люди вновь появятся на свет камнями и деревьями, как вначале. А смертным только этого и нужно: чтобы сделалось как вначале.

ГАМАДРИАДА Странное племя. Они обращаются с судьбой и с будущим так, словно это прошлое.

САТИР В том-то и состоит смысл надежды. Дать судьбе памятное имя.

ГАМАДРИАДА И ты думаешь, они и вправду станут деревьями и камнями?

САТИР Они умеют рассказывать сказки, эти смертные. Облик их будущей жизни придадут фантазии, рождённые страхом этой ночи и завтрашнего утра. Люди станут дикими зверьми, и камнями, и деревьями. Они станут богами. Они отважатся убивать богов, чтобы увидеть, как те воскресают. Они подарят себе прошлое, чтобы избежать смерти. На свете есть лишь один выбор: либо надежда, либо судьба.

ГАМАДРИАДА Коли так, мне их не жаль. Должно быть, это прекрасно — изменять собственную жизнь по собственной прихоти.

САТИР Да, это прекрасно. Только не думай, будто они знают, что поступают по своей прихоти. Самые невероятные пути спасения они находят вслепую, когда уже схвачены и раздавлены рукой судьбы. У них нет времени, чтобы насладиться прихотью. Они расплачиваются за неё своей жизнью. Только это они и умеют.

ГАМАДРИАДА Этот потоп хотя бы откроет им, что такое игра и праздник. Для нас, бессмертных, прихоть определена роком, и мы это знаем, — но почему же люди не научатся проживать её так, будто это мгновение вечности в потоке их

несчастий? Почему не поймут, что всё их достоинство заключено в их бренности?

САТИР Нельзя обладать всем, малышка. Мы знаем — но не можем выбирать. Для них же каждое мгновение жизни единственно и непредсказуемо — но они не знают его ценности. Они жаждут быть бессмертными, как мы. Так устроен мир.

ГАМАДРИАДА Завтра и они кое-что узнают. А те камни и комья земли, в виде которых они однажды вновь явятся на свет, будут жить не только надеждой и тоской. Вот увидишь: в новом мире даже самые ничтожные из смертных обретут нечто божественное.

САТИР На всё воля свыше, козочка. Мне бы тоже хотелось этого.

МУЗЫ

Необъятная тема. Всякому пишущему хорошо известно, на какой дерзкий путь он вступает, когда в одной божественной фигуре ему являются те, коих девять, или же трижды по три, или только три, или даже двоица, — Музы и Хариты. Но в случившемся он убеждён так же, как и во всём прочем. В мире, о котором мы повествуем, матери часто оказываются дочерьми — и наоборот. Это можно легко доказать. Только нужно ли? Лучше пригласим читателя насладиться тем, что у греков празднества воображения и памяти почти всегда совершались в горах, а вернее, на холмах и постоянно обновлялись, по мере того как этот народ спускался всё ниже, расселяясь по полуострову.

(Разговаривают Мнемосина и Гесиод.)

МНЕМОСИНА В итоге ты несчастлив.

ГЕСИОД Скажу тебе так: когда я думаю о прошлом, о временах, которые уже завершились, мне кажется, что я был счастлив. Но в настоящем всё иначе. Меня охватывают тоска и отвращение к трудам и дням, точно пьяного. Тогда я бросаю всё и восхожу сюда, в горы. А тут опять вспоминаю былое, и мне снова кажется, что я испытал счастье.

МНЕМОСИНА Так будет всегда.

ГЕСИОД Ты знаешь все имена — скажи, как назвать то, что со мною творится?

МНЕМОСИНА Ты можешь назвать это моим именем. Или своим.

ГЕСИОД Моё человеческое имя, Мелета, — это ничто. А как хочешь зваться ты? Слово, которое тебя призывает, всякий раз иное. Ты словно мать, чьё имя теряется в летах. О тебе многое рассказывают в жилищах и на тропинках, откуда виднеются горы. Говорят, что некогда ты обитала в самых неприступных горах, среди снегов, чёрных деревьев и чудовищ, во Фракии или в Фессалии, и тебя звали Музой. Другие зовут тебя Каллиопой или Клио. Каково твоё настоящее имя?

МНЕМОСИНА Да, я родом оттуда. И у меня много имён. А будут ещё и другие, когда я спущусь сюда снова... Аглая, Гегемония, Фаенна — смотря в каком краю окажусь.

ГЕСИОД Неужто и тебя гонит по миру тоска?
Получается, ты не богиня?

МНЕМОСИНА Это не тоска, и я не богиня, мой дорогой.
Сегодня мне мила эта гора, Геликон, — быть может, оттого что ты
часто сюда приходишь. Я люблю бывать там, где живут люди,
разве только держусь от них чуть поодаль. Я никого не ищу и
беседую со всяким, кто умеет говорить.

ГЕСИОД О Мелета, я не умею говорить. Мне кажется, я
вообще что-то умею только рядом с тобой. В твоём голосе и в
твоих именах — прошлое, все времена, которые я помню.

МНЕМОСИНА В Фессалии у меня было имя Мнема.

ГЕСИОД Некоторые говорят, будто ты стара, как
черепаша, — такая же дряхлая и загрубевшая. Другие же
представляют тебя юной нимфой, подобной бутону или облаку...

МНЕМОСИНА А что скажешь ты?

ГЕСИОД Не знаю. Ты Каллиопа и Мнема. У тебя
бессмертный голос и бессмертный взгляд. Ты словно холм или
ручей, которым безразлично, молоды они или стары, ибо для них
времени нет. Они существуют. Иное нам неведомо.

МНЕМОСИНА Но ведь и ты, мой дорогой, существуешь,
и существование для тебя означает тоску и несчастье. Как
воображаешь ты себе ту жизнь, которой живём мы, бессмертные?

ГЕСИОД Я не воображаю её, Мелета, я почитаю её как
могу, чистым сердцем.

МНЕМОСИНА Продолжай, это мне нравится.

ГЕСИОД Я сказал всё.

МНЕМОСИНА Знаю я вас, смертных, вечно вы
недоговариваете.

ГЕСИОД Пред богами возможно только склоняться.

МНЕМОСИНА Оставь в покое богов. Я существовала в ту
пору, когда никаких богов ещё не было. Со мной ты можешь
говорить. Люди рассказывают мне обо всём. Можешь
преклоняться перед нами, если хочешь, только скажи, как
воображаешь ты мою жизнь.

ГЕСИОД Откуда мне знать? Ещё ни одна богиня не
удостоила меня своего ложа.

МНЕМОСИНА Неразумный, времена в мире сменяются,
и то время уже завершилось.

ГЕСИОД Я знаю только поле, в котором тружусь.

МНЕМОСИНА Ты горд, пастух. Это гордыня смертных. Но твоя судьба — узнать иное. Скажи, отчего ты чувствуешь себя счастливым, когда беседуешь со мной?

ГЕСИОД На это у меня имеется ответ. В том, что ты говоришь, нет такой тоски, как во всём каждодневном. Ты даёшь вещам имена, и вещи становятся другими, необычайными, но при этом дорогими и родными, как голос, которого долго не было слышно. Или как если внезапно увидишь своё отражение в воде и невольно вскрикнешь: "Кто этот человек?"

МНЕМОСИНА Мой дорогой, а не случилось ли тебе, увидев дерево, камень или чьё-то движение, испытать такое же чувство?

ГЕСИОД Случалось.

МНЕМОСИНА А находил ли ты причину?

ГЕСИОД Это всего лишь мгновение, Мелета. Как могу я его задержать?

МНЕМОСИНА Ты никогда не задумывался о том, отчего одно мгновение, такое же как все, которые прошли, может вдруг сделать тебя счастливым, счастливым словно бог? Изо дня в день ты глядишь на оливковое дерево, что стоит возле тропинки, по которой ходишь годами, — и вдруг наступает день, когда тоска оставляет тебя, и ты ласкаешь взором старый ствол, будто встретил давно потерянного друга и он сказал тебе то самое слово, которого ждало твоё сердце. Порою это взгляд прохожего. Порою — затяжной дождь. Или резкий птичий крик. Или туча, которую ты как будто уже видел раньше. На мгновение время останавливается, и что-то самое обыкновенное ты переживаешь в сердце так, словно нет больше ни минувшего, ни грядущего. Думал ли ты о том, отчего так бывает?

ГЕСИОД Ты сама сказала. Это мгновение превратило нечто в воспоминание, в образ.

МНЕМОСИНА Разве не можешь ты помыслить существование, которое целиком состоит из таких мгновений?

ГЕСИОД Да, помыслить могу.

МНЕМОСИНА Тогда ты знаешь, как я живу.

ГЕСИОД Я верю тебе, Мелета, ибо вижу всё это в твоих глазах. И меня больше не удивляет имя Евтерпа, которым многие

зовут тебя. Но смертные мгновения — это не жизнь. Если бы я захотел их повторить, они потеряли бы свою свежесть. Возвращается только тоска.

МНЕМОСИНА Однако же ты назвал это мгновение воспоминанием. А что такое воспоминание, как не вернувшееся переживание? Постарайся понять меня.

ГЕСИОД Что это значит?

МНЕМОСИНА Это значит, что ты ведаешь, какова бессмертная жизнь.

ГЕСИОД Разговаривая с тобой, трудно устоять. Ты видела сущее у самых его начал. Ты и есть оливковое дерево, взгляд прохожего, туча. Ты даёшь имя — и нечто становится вечным.

МНЕМОСИНА Гесиод, я каждый день встречаю тебя здесь. Прежде я встречала других — и в этих горах, и на пустынных речных берегах во Фракии и Пиерии. Ты нравишься мне больше. Ты знаешь, что бессмертные вещи — в двух шагах от вас.

ГЕСИОД Узнать это не трудно. Трудно их коснуться.

МНЕМОСИНА Нужно жить ради них, Гесиод. Вот что значит иметь чистое сердце.

ГЕСИОД Тебя послушать, так и есть. Но человеческая жизнь проходит здесь, внизу, в домах, в поле. Возле очага и в постели. И с каждым рассветом ты встречаешь всё те же тяготы, всё те же лишения. В конце концов — одна сплошная тоска, Мелета. Поля могут возродиться к новой жизни после бури. Но не смерть и не страдания лишают человека мужества, а эти нескончаемые тяготы, усилие оставаться живым изо дня в день, весть о том, что другие творят зло, мелкое зло, такое же докучное, как летняя мошкара, — вот жизнь, которая калечит, Мелета.

МНЕМОСИНА Я родом из краёв куда более суровых, из сырых и дремучих оврагов, где как раз и зародилась жизнь. Вам, живущим среди этих олив, под этим солнцем, такой удел неведом. Слышал ли ты о Бебейском болоте?

ГЕСИОД Нет.

МНЕМОСИНА Туманная долина, сплошь топь и камыши, как в начале времён, место, объятые клокочущей тишиной. Оно породило чудовищ и богов из испражнений и крови. Фессалийцы и поныне стараются о нём не вспоминать. Его не касается смена времён. Его не достигает ничей голос.

ГЕСИОД Но говоря об этом крае, Мелета, ты освятила его судьбу. Твой голос достиг его. Теперь это ужасное и священное место. Оливы и небо Геликона — ещё не вся жизнь.

МНЕМОСИНА Как и тоска, как и повседневный обиход. Разве ты не понимаешь, что человек, всякий человек, рождается в этом болоте крови? что священное и божественное повсюду сопровождают и вас — в постели, в поле, у очага? Во всём, что вы делаете, повторяется божественный образ. Денно и ночью каждое мгновение вашей жизни, даже самое никчёмное, возникает из тишины этих истоков.

ГЕСИОД Ты говоришь, Мелета, и я не могу устоять перед тобой. Если бы я просто почитал тебя!

МНЕМОСИНА Есть иной путь, мой дорогой.

ГЕСИОД Какой же?

МНЕМОСИНА Попробуй поведать смертным о том, что знаешь.

БОГИ

— Гора стоит нетронутая, друг мой. Порыжевшая прошлогодняя трава усеяна пятнами снега. Она напоминает плащ кентавра. Эти вершины всюду одинаковы. Малейшее движение — и местность вновь станет такой же, как в те времена, когда всё это случилось на свете.

— Интересно, вправду ли они всё это видели.

— Кто знает? Однако же наверняка видели. В своих рассказах они дали вещам имена и больше ничего — в этом вся разница между вымыслом и правдой. "Жил на свете такой-то и такой-то". "Совершил то-то и то-то". Кто говорит искренне, тому довольно сказанного. Он и не подозревает, что ему могут не поверить. Лжецы — это мы, ибо ничего этого не видели и тем не менее знаем всё до тютельки: каким плащом укрывался кентавр или какого цвета был виноград, выращенный Икарием.

— Всего-то и надобно: сыскать холм, вершину, берег. Какое-нибудь уединённое место, где, подняв глаза, упираешься взглядом в небо. Невероятные лики вещей в прозрачности воздуха и поныне трогают сердце. Сам я думаю, что любое дерево или камень, чей контур очерчен небом, с самого начала были богами.

— Не всегда это случилось в горах.

— Разумеется. Вначале были голоса земли: источники, корни, змеи. Ежели демон сочетает землю и небо, он должен выйти на свет из подземного мрака.

— Не знаю. Этому народу было известно слишком много. Одно простое имя — и вот уже рассказ о туче, о лесе, о судьбе. Они воочию видели то, что мы едва знаем. У них не было ни времени, ни желания забываться в снах. Они видели ужасное, невероятное — и даже не удивлялись. Они знали, что это такое. И если считать, будто они лгали, тогда и ты всякий раз теряешь голову, когда говоришь "рассвело" или "собирается дождь".

— Нарекать имена умели, что верно, то верно. Иногда я даже спрашиваю себя, что было вначале: вещи или имена.

— Они явились вместе, поверь. И было это здесь, в этих нетронутых и пустынных местах. Стоит ли удивляться тому, что люди поднялись сюда? Чего ещё было им тут искать, как не встречи с богами?

— Кто знает, что удерживало их здесь? Но в каждом покинутом месте остаётся пустота, ожидание.

— Ни о чём ином здесь и думать невозможно. У этих мест всегда будут имена. На свете не остаётся ничего, кроме травы под небом, и всё же в воспоминании даже лёгкий ветерок шумит сильнее бури в чаще леса. Нет ни пустоты, ни ожидания. Что было, то будет всегда.

— Но они мертвы и похоронены. Ныне в этих местах всё так же, как было прежде них. Пожалуй, я готов согласиться, что рассказанное ими происходило взаправду. Что ещё остаётся? Как видишь, на тропинках нам больше не встречаются боги. Когда я говорю "рассвело" или "собирается дождь", то имею в виду не богов.

— Мы беседовали о них этой ночью. А вчера ты говорил о лете и о том, как тебе хочется подышать тёплым вечерним воздухом. В другой раз ты говоришь о человеке, о людях, которых знал, о своих прошлых увлечениях, о неожиданных встречах. Обо всём, что было когда-то. Поверь, я слушал тебя так же, как слушаю эти древние имена внутри себя. Когда ты рассказываешь о том, что знаешь, я не говорю в ответ: "Что ещё остаётся?" — и не спрашиваю, что было вначале, слова или вещи. Я живу вместе с тобой и чувствую себя живым.

— Нелегко жить так, будто то, что случилось в другие времена, было взаправду. Когда вчера в этой глуши нас внезапно застал туман и с холма к нашим ногам скатилось несколько камней, мы думали не о божественном и не о какой-то необычайной встрече, а всего лишь о ночи и о зайцах, которых испугнули. Кто мы такие и во что верим — всё это выходит наружу перед лицом испытаний, в минуту опасности.

— Об этой ночи и о зайцах приятно будет снова поговорить в компании друзей, когда вернёмся домой. Однако этот испуг вызовет лишь улыбку, если вспомнить о том, какой ужас испытывали древние люди, для которых всё, что случилось, было роком. Люди, для которых самый воздух был полон полночных ужасов, тайных угроз, страшных воспоминаний. Только подумай о бурях или землетрясениях. И если эти испытания были настоящими, то столь же настоящими были и мужество, и надежда, и радость открытий, обетований, встреч. Сам я никогда не устаю слушать об их ночных страхах и обо всём, на что они надеялись.

— И ты веришь в чудовищ, в звериные превращения, в ожившие камни, в улыбки богов, в слова, способные уничтожать?

— Я верю в то, на что надеялся и что выстрадал всякий человек. Если когда-то люди поднимались на эти скалистые вершины или искали по свету смертельные болота, значит, они находили там нечто, чего мы не знаем. Не хлеб, не удовольствия и не здоровье. Всё это ищут и находят известно где. Только не здесь. И мы, живущие далеко отсюда, на морском берегу или среди полей, потеряли нечто совсем иное.

— Что же? Скажи.

— Знаешь сам. Их встречи.